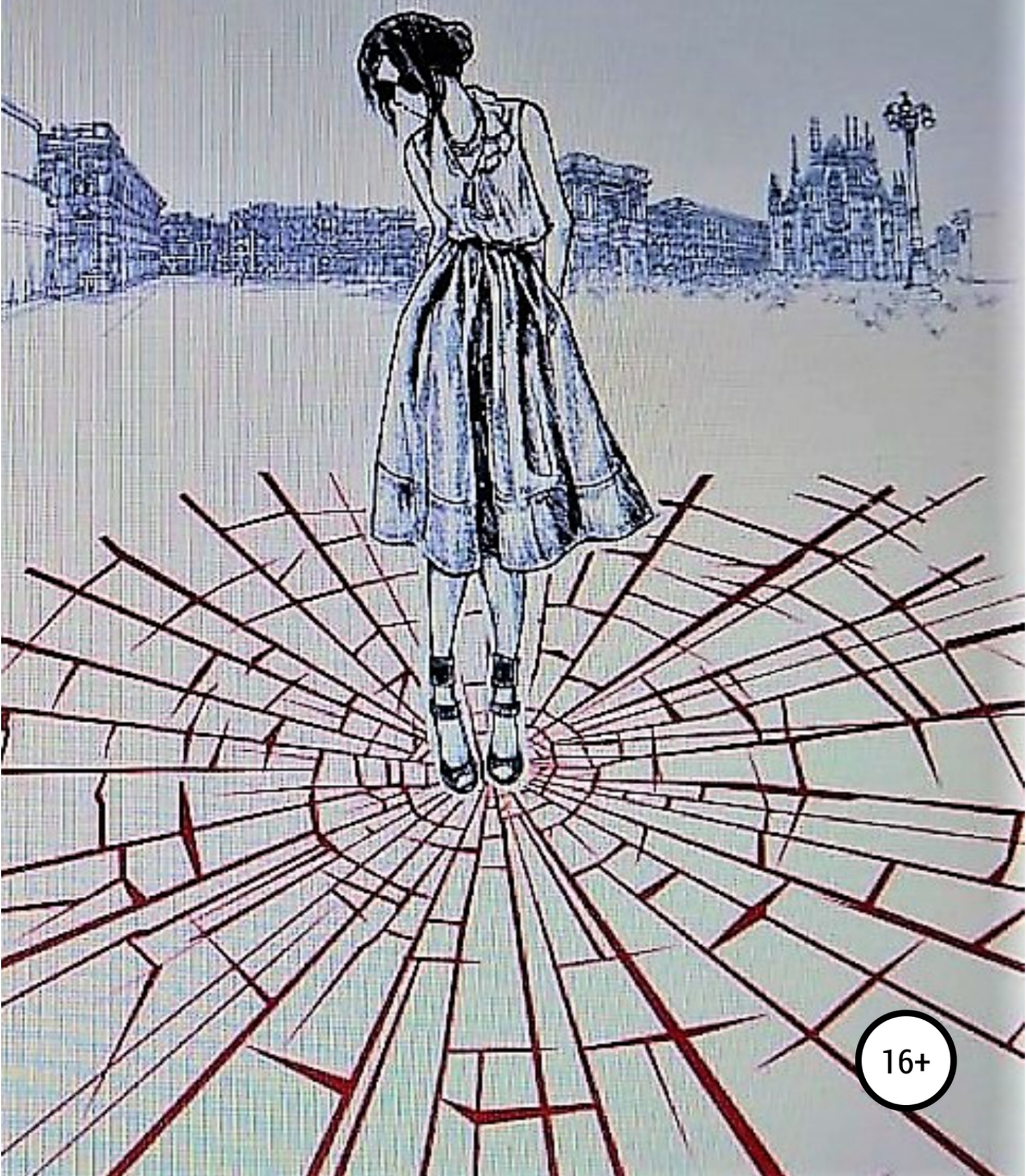

Чермен Карацев

КУКЛОВОД

политический детектив

16+

Чермен Карацев
Кукловод

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Карацев Ч.

Кукловод / Ч. Карацев — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Книга основана на реальных событиях из мира финансов и мировой политики.

© Карацев Ч., 2013
© ЛитРес: Самиздат, 2013

Ему всегда хотелось понять, как это происходит. Как его мысль, проникая в чужое сознание, постепенно перестраивает исходную структуру и приводит к заданному результату? Как это у него получается – заставлять людей поступать тем или иным образом, не оказывая на них никакого видимого воздействия, не вступая с ними в контакт, не говоря ни единого слова? Ему всегда было достаточно встретиться с оппонентом взглядом, чтобы зацепиться за линию его души... – и все, человек самостоятельно в своих размышлениях приходил к заданному умозаключению. Когда ему исполнилось четыре года, он не умолкал часами. Он мог говорить и говорить, причем, где угодно и с кем угодно. В транспорте, на улице он мог заговорить с абсолютно незнакомым человеком, и через какое-то время собеседник полностью погружался в его рассуждения, а слушателей становилось все больше и больше. Еще с детства он умел собирать вокруг себя толпу. Со стороны это казалось чем-то необыкновенным, для него же было абсолютно нормальным состоянием. Он даже не представлял, что может быть как-то по-другому, потому что так был выстроен его собственный мир. Повзрослев, он понял, что слова лишь ослабляют его силу, что мысль имеет более точное воздействие на подсознание людей, менее заметное для окружающих. Ему оставалось лишь удивленно наблюдать, как точно, следуя назначенной цели, раскручивалось вокруг него доселе неприметное течение жизни. Он управлял развитием событий, расставляя их очередность по собственному усмотрению. В этой игре не было случайностей, во всем виделась закономерность, ведущая к пока еще размытой в его сознании цели.

Боясь непонимания и насмешек, он никогда не рассказывал о своих способностях. Позиция стороннего наблюдателя казалась ему наиболее

приемлемым и безопасным вариантом. Он старался не вмешиваться в протекающую рядом с ним жизнь, терпеливо ожидая, когда поток событий достигнет определенной точки, в которой назначен его выход на авансцену.

Мужчина 35 лет сидел в маленьком кафе и безмолвно наблюдал за тем, как люди приходили и уходили, заполняя свое бесценное время жизни привычной суетой. Он поражался, как много времени они тратят на то, чтобы выделиться в общем пространстве, хоть чем-то запомниться, хоть как-то приподняться над горизонтом общих масс в надежде на шанс раскрасить свое земное прозябание. Это напоминало ему аквариум, где рыбки беспокойно снуют в поисках пищи, отвоевывают для себя жизненное пространство, при этом покусывая, а иногда и сжирая себе подобных в своем мирке с невидимыми границами. Они действительно думают, что от всех этих действий зависит их сытое существование, не понимая, что служат лишь объектом созерцания для того, кто их в этот аквариум посадил.

Он сидел, погружаясь в только ему понятные размышления, и терпеливо ждал, когда к столику, где уже находились две молодые девушки, подойдет Она. Именно ради нее он уже третий час пьет этот странного вкуса напиток, который почему-то называется кофе. Он прекрасно понимал, что уже ничто не сможет повлиять на выстроенную им цепочку событий и их встреча обязательно произойдет, но томительное ожидание все равно вызывало в нем волнение. Сладкое предвкушение встречи раскрашивало эмоциональными переживаниями его душу. Ожидание предначертанного само по себе очень волнительно, особенно когда наступающее событие должно перевернуть всю твою жизнь. Все это вызывало у него внутри неконтролируемое напряжение. Он отстраненно перелистывал странички в ноутбуке, откидывался на спинку кресла и снова наклонялся вперед. Его взгляд утомленно блуждал по столу в надежде зацепиться хоть за что-нибудь, дабы отвлечь мозг от монотонного созерцания. Дверь в кафе приоткрылась, и в нее тихо, подобно легкому порыву ветра, впорхнула молодая девушка. Его накрыло странной, покалывающей все тело, волной. Кровь холодными ударами отозвалась в висках.

Она сделала несколько шагов вперед, приветственно помахала подругам и двинулась в их сторону. Снимая сумочку с плеча, она интуитивно окинула взглядом кафе. Все, в эту секунду их взгляды пересеклись. По инерции она продолжала двигаться вперед, но внутренне четко ощущала, как чей-то настойчивый взгляд невидимым теплым потоком сжимал ее в своих объятиях. Каждый ее шаг попадал в унисон сокращениям его сердечной мышцы. Сосредоточенно разрезая пространство, поток его энергии проникал в ее подсознание. Еще ничего не подозревая, она автоматически подошла к столику и поздоровалась с подругами. Однако ее мысли с каким-то упорством возвращались к человеку, чей взгляд так настойчиво упирался ей в спину. Усаживаясь рядом с подругами, она пыталась удержать свое необузданное желание посмотреть в его сторону. В большинстве случаев подобное пристальное внимание раздражает. Своей колкостью и бесцеремонностью выводит из равновесия. В большинстве случаев она старалась на такое внимание не отвечать. Но сейчас ее воля была парализована, подчинена какому-то странному влечению. Смущение, нахлынувшее на нее, колючими мурашками прокатилось по телу.

– Неприятно, когда так вот уставятся и смотрят, – с наигранным раздражением сказала она, обращаясь к своим подругам. – Я просто физически чувствую на себе его взгляд.

– Это ты про кого? – удивленно спросила брюнетка с короткой стрижкой.

– Да вон про того парня, – ответив, она кивнула в его сторону. – Как только я вошла, он уставился на меня и буравит своими глазами.

– Дико, конечно, когда тебя так пристально рассматривают, будто пытаются проникнуть под каждую складочку твоей одежды, – на мгновение оглянувшись в его сторону, сказала девушка с огненно-рыжими волосами, пытаясь поддержать подругу. – Но разве мужчинам объяснишь, что такое поведение только настораживает и пугает.

– В основном пугает не само явление, а непонимание, что за этим явлением стоит? – услышали они приятный мужской голос.

Мужчина, который только что сидел в противоположном углу зала, как-то невероятно быстро оказался рядом. Он отодвинул стул и присел к ним за столик. Девушки растерянно переглянулись.

– Это как в вопросе о смерти, которая пугает своей загадочностью, завораживает необъяснимостью. С трепетом мы задумываемся о том, что же там, за этой незримой чертой? – непринужденно продолжил он. – Сон в какой-то степени ничем не отличается от смерти, но он нас не пугает, потому что есть понимание, что мы обязательно проснемся. Именно поэтому каждый раз мы спокойно засыпаем, оставляя этот бранный мир без нашего субъективного созерцания.

Он наклонился вперед, поставил руки на стол пирамидкой, улыбнулся и посмотрел на нее.

– Непонимание того, что кроется за моим пристальным вниманием, конечно, внесло определенный дискомфорт в твое обыденное восприятие, однако признайся, разве оно было неприятным? В какой-то степени тебя оно заинтриговало, – продолжил говорить он.

Эти слова смутили ее. Слишком точным было описание ее чувств. Какое-то странное оцепенение вдруг овладело ее сознанием. Тепло нежной волной стало растекаться по всему телу, проникая в каждую клеточку организма. Она сделала глубокий вдох, чтобы снять внутреннее напряжение. Ей показалось, что воздух наполнился запахом цветущей сирени. Он улыбнулся.

– Меня Андреем зовут, – немного смущенно сказал он.

– А я Катя, – справляясь со своим волнением, сказала она. – Это мои подруги, Лика и Настя.

– Очень приятно, – кивнула брюнетка, все еще находясь под впечатлением от необычного развития ситуации, поэтому ее слова выдавали некоторую степень удивления от происходящего. Огненно-рыжая Лика только растерянно улыбнулась.

– Со мной еще никто не начинал знакомство с рассуждений о смерти, – сказала Катя, бросив на Андрея оценивающий взгляд.

– Действительно, очень оригинально! – сказала на выдохе Настя, пытаясь сбросить с себя чрезмерную скованность. Она переглянулась с подругами, в попытке найти у них поддержку своим ощущениям.

– Я не говорил о смерти. Я лишь показал, как скрытый смысл этого явления пугает человека. А именно – пугает не само наше физическое отсутствие в этом материальном мире, а непонимание, что будет дальше. Страх исходит от ощущения того, что дальше ничего не происходит, – улыбаясь, сказал Андрей.

Он сделал паузу, чтобы дать им возможность осмыслить сказанное.

– А ты действительно думаешь, что у смерти есть какой-то скрытый смысл? – вступила в разговор Лида. Ей, как любительнице всяких мистических штучек, эта тема была наиболее близка.

– Смерть – это и есть смысл жизни! – ответил Андрей, продолжая загадочно улыбаться. – Вернее, без нее смысла жить нет. Без смерти жизнь представляет собой череду нескончаемых событий, которые ничем не лимитированы, а значит, ни к чему не приводят. Они будут наслаиваться друг на друга, как сцены бесконечного спектакля. Даже ночь сменяет день, подводя итог прожитому. Нет, бессмертие – это противоречие процессу эволюции. Смерть заложена в самом факте рождения. Смерть, это лишь незатейливый путь обратно в то измерение, из которого мы родились.

Его взгляд блуждал по столу и изредка переходил на Катю, упираясь в ее небесного цвета хрусталики глаз. Этих мгновений было достаточно, чтобы она постепенно погружалась в атмосферу его неторопливого рассказа. Он россыпью выкладывал факты, исторические события, статистические данные. Со временем она стала замечать, что когда их взгляды пересекаются, ее сердце отвечает на это своим неровным ритмом. Она смотрела на него, и ее переполняло ощущение того, что она знает этого человека уже очень давно. Так бывает, когда видишь кого-нибудь впервые и ничто вас еще не связывает, ничего особенного он не сделал, не сказал, но ты уже точно понимаешь – твой человек. Такая химия отношений, что тут поделаешь. Она с удивлением наблюдала, с какой легкостью он погрузил их в мир своих рассуждений, с какой искренней заинтересованностью ее подруги расспрашивали его о вещах, которые никогда раньше не были в сфере их интересов. Магия его общения была завораживающей.

Катя испытывала неловкость от понимания того, что, когда его взгляд соскальзывал в сторону подруг, эмоции разъедали ее душу и ревность обжигала изнутри. Ей так хотелось сосредоточить его внимание только на себе. В какой-то момент его взгляд снова споткнулся на ней. Сосредоточенность, с которой он молча смотрел, говорила о том, что Андрей считывает ее эмоциональное состояние.

– Именно неизбежность смерти помогает человеку правильно расставлять приоритеты в жизни, заставляет избавиться от иллюзии накопления и необузданных желаний, – задумчиво, не отводя от нее глаз, сказал Андрей. – Катюша, у меня есть два билета на оперу «Свадьба Фигаро» в Ла Скала, и если бы ты согласилась пойти со мной, я бы сделал этот вечер для тебя незабываемым! – неожиданно сменив тему, добавил он.

С этой фразой молчаливая пауза повисла за столом. В очередной раз девушки почувствовали некую растерянность. Своим приглашением он прочертил связующую линию между собой и Катей, сделав ее подруг сторонними наблюдателями. Теперь только он и она находились в этом расчерченном пространстве, теперь только от них двоих зависел дальнейший ход событий.

– Какие резкие у тебя повороты мышления. Только что рассуждал о смерти, и тут же приглашение в оперу, – удивленно сказала Катя. Ей плохо удавалось скрывать свою радость от понимания того, как ловко он вырезал в этой ситуации коридор для нее одной.

– Почему именно опера? Я бы лучше в клуб пошла, – непринужденно высказалась Настя.

– Если ты не заметила, то нас с тобой никто никуда не приглашает! – не скрывая уязвленного самолюбия, прервала ее Лика.

– Я думаю, в клуб она со мной не пойдет, да и музыка там такая... – он смущенно замялся и опустил взгляд, – под нее только свай в землю забивать. Классическая музыка, она, как живой свет, проникает в самые отдаленные и темные уголки нашей души. Эта музыка позволяет ей расти. Опера в Ла Скала – это мой единственный шанс! – добавил Андрей, загадочно улыбнувшись. Он продолжал смущенно переводить взгляд с Кати на любой незначительный предмет, лежащий перед ней, стараясь снизить свое и без того сильное воздействие.

– Я так понимаю, Ла Скала – это в Милане? Или у нас где-то за углом новое Ла Скала открыли? – Катя игриво наклонила голову, тщетно пытаясь скрыть улыбку.

– Да нет, Ла Скала пока один и, конечно же, в Италии.

– И как же ты себе это представляешь? Нужны визы, билеты, платье вечернее. Не пойду же я на оперу в джинсах и блузке. Да у меня даже в голове не укладывается, сколько всего еще нужно успеть до вечера, – сказала Катя с иронией, разведя руки в стороны. Они переглянулись с подружками и весело рассмеялись.

– Все, что не укладывается в голове, можно положить в чемодан, – шутливо сказал Андрей, и улыбка вновь растянулась на его лице. – Мы можем сейчас забрать твой паспорт, мой самолет уже ждет в аэропорту. Визы нам поставят в Милане, нас там встретят. Платье выберем там же, это же все-таки Италия. И если выехать прямо сейчас, то останется больше времени на примерку.

Улыбки как-то сразу исчезли с лиц подруг. Реальность исполнения плана говорила о тщательной подготовке. И это был уже не фарс. Все было очень серьезно и обоснованно. Вмиг искрометная и комичная ситуация, которую можно было принять за обычное мимолетное знакомство, превратилась в заманчивое и реалистичное предложение, отказаться от которого было бы тяжело. Да что там, практически невозможно.

– Подготовился, да? – Катя посмотрела на Андрея, пытаясь хоть как-то зацепиться за суть происходящего. – Значит, был точно уверен, что поеду? А не кажется ли тебе, что путешествие молодой девушки с мужчиной в Италию может быть расценено, по крайней мере, странно. И это еще не самая жесткая оценка.

– Более чем странно! – Андрей, соглашаясь, кивнул головой. – Я бы с мужчиной тоже никуда не поехал.

Девушки засмеялись.

– Я понимаю, что делается все поэтапно... там, ухаживания, прогулки под звездным небом, ну и прочие радости сближения. Но все это время будет украдено из нашего общего совместного счастья, а его и так не много отведено, – продолжил говорить Андрей.

– У тебя свой самолет? – спросила Катя, все еще пытаясь понять, как ей реагировать на него. Но чем больше всматривалась в его улыбающиеся глаза, тем больше понимала, что ее просто затягивает в эту бездну, и чувство свободного полета мелкой дрожью раскатывалось по всему телу.

– Да так, друг помог, – тихо ответил Андрей – Ну что, едем? Обещаю, будет здорово.

– Да никуда она не поедет. Какая к черту Италия! – не скрывая собственного раздражения, но пытаясь выдать это как заботу о подруге, выпалила Лика. – Да ее и родители не отпустят.

Однако было совершенно понятно, что ситуация перестала быть легкой и романтической. Постепенно утекая из рук девушек, она стала жить своей собственной жизнью, рамки которой они уже не контролировали.

– Катя, ну ты что молчишь-то? – продолжала настаивать Лика. – Ты же его совершенно не знаешь!

– Действительно, Катя, может он маньяк какой-то! – поддержала подругу Настя.

– Да ладно, девчонки, вы и сами все понимаете. Хотя родители – это аргумент, что я, по моему, им должна сказать? Уезжаю в Милан с мужчиной, который случайно подсел в кафе?

– Скажи правду, что идешь в оперу. Я думаю, это не вызовет у них беспокойства.

Девушки были обезоружены его уверенностью и напором. Они понимали всю неординарность ситуации, но ни у кого не нашлось аргументов, чтобы помешать. Они сидели, как кролики перед удавом. Реальности достижения желаемого и опасность его осуществления, это внутреннее противоречие не давало им возможности анализа и сопротивления чужой воле. Все было выстроено просто. Если у вас есть какие-либо мечты, вы всегда уязвимы.

– Так говоришь, опера в Ла Скала? – спросила Катя. – Покажи билеты, – решительно добавила она, стараясь встряхнуть собственное сознание, чтобы избавиться от поглощающего ее желания.

Андрей медленно достал билеты из внутреннего кармана пиджака и выложил их на стол перед Катей присущим игрокам в покер жестом.

– Действительно, Ла Скала, опера «Свадьба Фигаро», сегодня вечером, – прочитала Катя.

Она теребила в руках билеты, пытаясь на подсознательном уровне найти хоть какое-то объяснение, почему она, вполне адекватная девушка, не пошлет его куда подальше, а сидит и всерьез рассматривает это предложение. Ну ведь должна быть какая-то причина.

– Значит, летим сейчас, опера вечером, а возвращаемся мы, конечно же... – едва справляясь с собственными эмоциями, спросила Катя.

– А, понял, – подхватил Андрей. – Возвращаемся завтра, часам к трем. Ночь, соответственно, проведем в разных номерах. Хотя, если захочешь, мы можем задержаться в Милане, побродим по городу, поедем настоящей итальянской пиццы. Мы можем себе позволить расслабиться. Ну что, поехали? А то в твоих джинсах нас в оперу не пустят.

Катя медленно встала и надела сумочку на плечо. В глубине своей души она еще пыталась побороть в себе дикое желание бросить все и улететь в Италию, но, видимо, эта борьба проходила где-то очень глубоко, потому что всем сердцем она была уже в Милане, бродила по его старинным улицам, наполненным ароматами сирени.

– Ладно, девчонки, два раза не умирать. Если не вернусь, считайте меня...

– Если не вернется, значит понравилось! – улыбаясь, перебил ее Андрей. – Все, поехали.

Он взял ее за руку, и, когда их кисти соприкоснулись, а пальцы рук переплелись, Катя поняла, что полностью утратила чувство реальности происходящего. Все было как во сне, и она твердо решила, что досмотрит его до конца.

Его машина плавно скользила по улицам Москвы, пытаясь вырваться из душного города. В руках Катя сжимала заветный паспорт, и последнее препятствие между обыденностью и неизвестностью было безвозвратно утрачено. Развалившись в удобном кресле мерседеса, она ощущала, как чувство тревоги сменяет безудержная радость, полная гармонии и спокойствия. Все для нее скомкалось в один миг. Она пока не могла объяснить себе ту легкость, с которой согласилась на это предложение. Пока еще эйфория опьяняла сознание, и она ни о чем не жалела. Лишь только одно занимало ее воображение; кто он и случайно ли оказался в этом кафе? Почему так пристально следил за ней от самого входа и так стремительно, без приглашения, присел к ним за столик? Что стояло за этим внимательным взглядом, за этой сосредоточенностью мысли? Почему именно она стала объектом его внимания?

– Однажды ты мне приснилась, и я решил тебя разыскать, – неожиданно нарушив тишину, сказал Андрей.

Катя поняла подвох в его словах. Уже во второй раз она почувствовала, как тонко он ловит направленность ее мысли, опережая ответом незаданный вопрос. То ли это совпадение, то ли он очень тонкий психолог. Несомненным оставалось одно: их встреча – досконально продуманная акция.

– Тем не менее, ты же неслучайно оказался там, в кафе? Мало ли что происходит во сне, кто угодно может присниться. Ты же не кидаешься всякий раз разыскивать свои сновидения?

– В этом сне ты была какая-то особенная, с такой обезоруживающей улыбкой, – сказал Андрей, бросив взгляд на дорогу, как будто пытаясь нащупать этот образ среди мелькающих машин. – В тот момент мне показалось, что я знаю тебя давно, очень давно, – задумчиво произнес он.

– И что потом произошло в твоём сне?

– Ничего! – разочарованно сказал Андрей. – Такие сны всегда обрываются на самом интересном, – он улыбнулся. – Я твердо решил тебя найти.

– Зачем? – удивленно спросила Катя.

– Просто захотелось быть рядом, радовать, наполнять твою жизнь красотой!

– Ты не перестаешь меня удивлять! Большинство мужчин сказали бы: «Я нашел тебя, чтобы ты стала моей». Как будто телефон понравился, и он приехал его купить. А ты – «Просто быть рядом». Молодец, романтик!

Откинувшись в кресле поудобнее и повернувшись лицом к боковому стеклу, Катя, переполненная эмоциональными переживаниями, приставила кулачок к губам, пытаясь удержать поток необузданных мыслей.

– Вот и я сама не пойму, почему с тобой все как-то особенно легко, ничто не напрягает, как будто встретила родственную душу и отрываться уже не хочется, – продолжила размышлять вслух Катя. – Просто не хочу, чтобы складывалось впечатление, что я могу с каждым вот так, не глядя, махнуть за временным счастьем на край земли. Честно говоря, я сама не могу до конца понять, как я на это решилась.

– Эх, Катя, я тебя очень хорошо понимаю. Никакого временного счастья, все очень серьезно. Я тебя слишком долго ждал.

Пауза, повисшая после его слов, уже не нарушалась до самого аэропорта. Мерседес, вырвавшись на ровную широкую трассу, резко прибавил в скорости. Покачиваясь, как иноходец, он исправно проглатывал все неровности покрытия и неудержимо рвался вперед, как горячий скакун, которого долго придерживали на старте, а теперь пустили во весь опор. Мимо проносились технические строения, дома, торговые комплексы. Мимо проносились теперь уже ее прошлая жизнь. Что будет завтра, она не знала, но необъяснимое чувство свободы и теплоты, исходившее от этого человека, всецело поглощало ее. С каждой минутой, проведенной вместе, с каждым произнесенным словом это чувство усиливалось. Она теперь точно понимала, что желание быть с ним рядом уже непреодолимо. Мерседес свернул налево и через служебный терминал поехал по одной из взлетных полос. Ее впервые везли к самолету и впервые прямо к трапу, возле которого уже стояли командир экипажа, стюард и двое представителей аэропорта, скорее всего, пограничники. Ей так подумалось, хотя она не очень-то в этом разбиралась. Машина остановилась, Катя и Андрей направились к трапу. Андрей поздоровался с командиром и стал о чем-то разговаривать с военными. Один из них бросил проницательный взгляд на Катю. Взгляд был настолько неприятным, что она физически почувствовала, как ее тело стало судорожно покалывать. «Неприятный тип, – подумала Катя. – Если у него и есть фамилия, то однозначно Рентген».

– Катя, подойди, – подозвал ее Андрей. – Давай я тебя представлю. Вот, знакомься, капитан службы безопасности Сергей Мороз и лейтенант Коротков.

– Это Катя... Екатерина Васильева, – уже обращаясь к ним, сказал Андрей.

– Катя, давай паспорт, они тебе визу здесь проставят, а то на месте у нас времени не хватит, – деловито добавил он.

– Очень приятно познакомиться, – сказала Катя, протягивая паспорт.

«Мороз» продолжал буравить ее взглядом, будто выискивая только ему понятные изъяны, отчего ей стало совсем не по себе. И пока молоденький лейтенант проставлял в паспорте

визу, она испытала на себе действие всепроникающего излучения под названием «Мороз». Наконец-то с визами было покончено, и они поднялись на борт самолета.

Это был поистине летающий лимузин. FALCON 900 с дальностью полета до 6 300 км. В салоне все было отделано с таким изыском, что Катя была потрясена красотой убранства. Огромные кожаные кресла, рабочие столики, мини-бар.

– Не самолет, а воздушный замок! – не скрывая восхищения, сказала Катя. – Говоришь, друг помог с самолетом? Хороший у тебя друг. Познакомишь? – уже игриво спросила она, усаживаясь на огромный кожаный диван возле иллюминатора.

– Не думаю! – парировал Андрей. – Тебе «Мороза» не хватило, что ли?

– И ты заметил? – оживилась Катя. – Он меня сканировал, как рентген, у меня до сих пор мурашки по телу.

Андрей снисходительно улыбнулся.

– Ну все, взлетаем, – скомандовал Андрей экипажу. – Катя, праздник начался.

Двигатели заработали на полную мощность, и самолет начал медленно двигаться вперед. Вырулив на взлетку, он еще немного постоял, а потом постепенно начал набирать скорость. Катя смотрела в иллюминатор, наблюдая, как бетонная полоса проносится под крылом все быстрее и быстрее. И с каждой секундой ей все отчетливее стало казаться, что это не она, а мир по ту сторону иллюминатора проносится мимо, унося за собой прошлые планы и надежды. А когда самолет начал набирать высоту, она поняла, что уже безвозвратно падают в бездну вместе с этим видимым клочком земли все ее представления о жизни, которые были навязаны социумом, и вопреки которым она ощущала невиданное доселе чувство свободного падения вверх. Рядом сидел человек, с которым она познакомилась всего несколько часов назад, но уже сейчас готова доверить ему всю свою жизнь. Она взяла в свои руки его ладонь и заглянула ему в глаза, пытаясь найти в них точку опоры своим рассуждениям. Андрей улыбнулся и смущенно отвел взор. Ох, если бы она только знала, сколько силы в его огненной душе, сколько событий в мировой политике происходило после соприкосновения с этой силой, наконецником которой были его глаза. А уж прикосновение к нему многих делало беспрекословными рабами его воли. Если бы она только знала. Андрей посмотрел на нее и, тщетно пытаясь скрыть улыбку, сказал:

– Все будет хорошо, Катя, все будет хорошо.

Ну и где теперь эти кошмарные истории по поводу встреч с незнакомыми мужчинами? Где эти бесполезные советы о соблюдении дистанции с противоположным полом? Их уносило невидимым потоком вниз по мере того, как самолет набирал высоту. Ей еще никогда не было так легко и свободно. И если это и есть путь в преисподнюю мира, то, честное слово, он поистине прекрасен. Андрей поднес ее руку к губам, повернул ладонью вверх и поцеловал.

– Запомни, Катюша, то, что поистине прекрасно, не может вести в никуда. Это в принципе невозможно. Мы сами портим эту красоту, обставляя ее ненужными условностями, за которыми скрываем свою страсть, алчность и похоть. Все это в итоге искажает линию прекрасного, нарушает гармонию бытия. Вместо выхода к свету попадаем в тупик собственных желаний, выхода из которого просто нет.

Катя вздохнула и в очередной раз заметила, с какой точностью он определяет ее чувственные переживания.

– Ты как-будто видишь меня насквозь, – задумчиво произнесла она.

– Это несложно, – пряча ироничную улыбку, ответил Андрей – У тебя душа светится.

Катя смущенно повернулась лицом к иллюминатору.

– Ну и кто же ты, видящий, как светятся людские души? – растерянно спросила она, не отрывая взгляда от проплывающих внизу облаков.

– Этого тебе никто не скажет. Хочешь что-либо узнать, научись наблюдать. Истина прячется в мелочах.

Она посмотрела на него и с удивлением отметила, что в его открытых глазах взгляд задумчиво спрятался в глубине.

– Нам лететь часа три, не хочешь чего-нибудь перекусить? – понемногу выходя из этого состояния, спросил Андрей.

– Не хочу, – растягивая слова, сказала Катя. – А насчет понаблюдать, тебя за язык никто не тянул, – игриво добавила она.

Катя улыбнулась и снова повернулась к иллюминатору. «Зря он думает, что я не способна к анализу, еще посмотрим, кто кого переиграет», – подумала она, глядя, как одеяло из облаков тихо проплывает под крылом. Хитрая улыбка, застывшая у нее на лице, была показателем интенсивности мыслительного процесса. Что же, хитрость это тоже проявление ума.

Андрей поднялся с кресла и направился вглубь салона. Задумчивость Кати приводила его в восторг. Он не ошибся в ней. Несколько месяцев анализа ее человеческой сущности, ее психотипа и интеллекта, теперь давали надежду, что все получится. С большой вероятностью можно было предполагать, что она как ключевой элемент его психологической игры даст необходимый результат. За эти несколько месяцев наблюдений он не только погрузился в психопатическую связь с ней, но и проникся к этой стройной и безумно красивой девушке необыкновенной симпатией, боясь признаться себе, что полюбил. Так бывает, когда кукловод виртуозно управляя куклой и думая, что все определяется его действиями, иногда утрачивает грань между реальностью и игрой. И однажды, захваченный собственным величием, он понимает, что уже кукла им руководит. Ибо если ты поверил, что все решаешь ты, то упускаешь момент, когда за тебя уже все решено.

Но сейчас его душа ликовала, небывалое ранее смятение чувств будоражило его душу, разливаясь огнем по всему телу. Он с трудом сдерживался, чтобы не закричать от счастья. Необходимости обманывать себя, что все это лишь элемент работы, не было. Где-то в глубинах подсознания, он прекрасно понимал, что влюблен. И сколько не гони и не подавляй в себе это чувство, ничего не выйдет. Однажды этот вулкан взорвется и разнесет твое самомнение на куски. Нельзя загнать джинна обратно в бутылку, иногда с ним лучше просто договориться.

Катя смотрела в окно, погрузившись в собственные размышления. Пауза, возникшая в их общении, давала возможность переосмыслить эмоциональную составляющую всего дня. Иногда стоит перезагрузить в памяти картинки, чтобы взглянуть на все по-другому. Эти несколько часов перевернули всю ее обыденность и стали самой яркой эмоциональной вспышкой в жизни. А яркие вспышки порой ослепляют. Сейчас самое время встряхнуть сознание. Она продолжала выстраивать в ряд события, в результате которых она сейчас летит в Милан с малознакомым ей человеком, пусть даже достаточно умным и симпатичным. Она прекрасно понимала, что ее поступок, неожиданный, глупый и недопустимый, был следствием какой-то внутренней растерянности, полной блокады сознания. Все так, но вот это «умный и симпатичный» всегда все портит. И надо бы оказать сопротивление, да уж силы нет. Обычная тяга к романтическим отношениям блокирует волю и дает такую реакцию на эти штучки с принцем на белом коне и с гранатой в голове. А потом слезы, переживания и на вопрос: «Куда же ты смотрела?» следует привычное: «Он был такой романтичный». Ну ничего, это не мой случай, я тебе так просто не сдамся.

Катя бросила взгляд в сторону Андрея. Он поднял глаза и улыбнулся. «Он мне еще ничего плохого не сделал, а я его уже тихо ненавижу. Бред полный», – подумала Катя.

Она снова уткнулась взглядом в иллюминатор. Рассматривая то, что никогда не меняется, начинаешь замечать изменения в себе.

Андрей взял со стола ноутбук и подошел к ней.

– Катя, пока летим, есть возможность выбрать платье и аксессуары. Это немного тебя отвлечет.

– А что здесь есть Интернет?

Андрей улыбнулся. Он опустился в кресло и посмотрел на Катю.

– Ты представляешь, как меняет наше мышление Интернет? Вбиваешь искомое значение в поисковик, и он выдает тебе весь спектр вариантов. Не нужно долго учиться, посвящать много лет изучению разных наук. Просто ввел в командную строку – и все, ты властелин мира и уровень знаний ограничен лишь полетом твоей фантазии! – сказал Андрей.

– Ну да, это так! Я думаю, это здорово. Есть возможность охватить необъятное.

– Я тоже об этом, – кивнул Андрей. – А можешь себе представить, что есть космический Интернет, такая общая база вселенских знаний о космосе, законах взаимодействия в ней, ее структуре и устройстве. В этой базе знания, накопленные многими цивилизациями из разных ее концов. И нужно всего-то устройство для обработки данных и качественная связь.

– И что же это за устройство?

– Наш мозг! Просто надо уметь правильно настроить его на получение информации, и Вселенная с удовольствием поделится самым сокровенным. А пока мы в поиске путей, вот тебе ноутбук и попытайся воспользоваться Интернетом традиционно.

– Вот, все вы, мужики, такие! – с иронией сказала Катя. – Сначала заинтригуете, а потом все традиционно.

Они оба рассмеялись.

– Катя, ты выбирай пока, а когда выберешь, закажи доставку в отель, – Андрей взял ручку и на листке блокнота написал: Starhotels Rosa Grand Milano. – Пусть доставят часам к пяти после полудня. А я пока пойду поработаю, чтобы тебе не мешать.

– Ты не сказал, на чье имя сделать заказ? – спросила Катя, пытаясь мелкой хитростью побольше о нем разузнать.

– На свое, – безразлично ответил он и, улыбнувшись, добавил: – На имя моей будущей жены.

Катя разочарованно махнула рукой. Ее маленькая хитрость была мгновенно прочитана и разбавлена его ироничной ухмылкой.

– Все, не мешай мне! – деловито сказала Катя, осознав бессмысленность каких-либо интриг. – В смысле, иди работай.

Андрей резко встал и двинулся в другой отсек салона. Все, эта река чувств окончательно засасывает его в омут. «Но какое же это, все-таки, сладкое чувство!» – подумал он.

– Дорогой, я могу сделать заказ, исходя из позиции твоей будущей жены? – игриво спросила Катя, пытаясь хоть как-то отыгаться за предыдущую неудачу. – Сумма не очень тебя расстроит?

– Ни в чем себе не отказывай, дорогая! Ты должна быть неотразимой.

Катя открыла ноутбук и первым, что начала набирать в поисковике, был «космический Интернет». Выбор вариантов не удовлетворил. Поисковик эти два слова никак не состыковывал. Катя ввела в строку поиска «Тихое женское счастье». Вот здесь Интернет разошелся. Список сайтов и ссылок калейдоскопом проносился на мониторе. Но Катю это не волновало, потому что где-то в уголках ее души набирало силу и расширялось ее собственное женское счастье, ссылка на которое сидела там, за перегородкой в салоне самолета. Это чувство наполняло ее приятным теплом, щекотало самолюбие, растекалось волною в груди. Нет, товарищ Интернет, в этом случае мой собственный поисковик сработал лучше. Вот что значит качественная связь. Катя прикрыла ладонью губы, пытаясь не рассмеяться от посетившей ее мысли. Потом, едва сдерживая смех, откинулась в кресле и посмотрела в сторону отсека, где сидел Андрей. «Вот так, двумя словами – «будущая жена» – расчистил всю гору сомнений и предрассудков, задавивших мою душу, – подумала Катя. – И теперь она, расправляя крылья, ловит попутный ветер любви, который, набирая силу, все больше походит на ураган. И ведь понимаю, что это только слова, и ведь понимаю, что может обмануть. Но как же это все-таки приятно. Эти минуты счастья стоят того. Эх, ладно... даже если обманет, зато как красиво врет». Она

опять чуть не рассмеялась. Потом снова посмотрела в сторону Андрея, на минуту задумалась и прошептала как молитву: «Господи, только не он, только не он».

Как быстро меняется в нашей душе погода, как хрупко это равновесие. Душа, как перекресток наших желаний и страстей. Невозможно представить, какие битвы происходят на ее полях. Человеку свойственно бежать впереди паровоза. Нельзя, а хочется, нет возможности приобрести, возьми кредит. Если бы только был предел для наших желаний, так нет же! – нам все надо, надо и надо. Каждое наше желание, как маленькая гирия, повешенная на тонкую материю души, неотвратимо тянет ее в бездну. И возврата из нее нет.

«Эх, Катя... Нежность переполняет твою душу, и источник этого – не ты. Разве можно бояться потерять то, что тебе не принадлежит? Просто погрейся у костра, а придет время уходить – уходи. Но природа человека такова, что он даже любовь пытается приватизировать. Обозначить право собственности на чужие чувства, на чужую душу. Не от Бога все это, не от Бога», – подумал Андрей.

Размышляя так, он покачивался в кресле перед своим монитором. Катя, как и все мы, наивно предполагала, что ее мысли принадлежат только ей. Мысль очень тонкая структура, чтобы ее можно было удержать. Человечество пользуется тем, что может свободно передать изображение или аудиофайл с одного телефона на другой, из Европы в Америку. Но никак не свыкнется с тем, что мысль имеет ту же самую волновую природу и такую же всепроникающую силу. С самого своего рождения она перестает быть достоянием кого-либо и уносится в свободный полет по закоулкам мироздания. Синтез мысли как источника чистой энергии – главное предназначение человека. Каждая наша мысль обязательно к нам же и возвращается, усиливаясь многократно эманациями космического пространства. И то, какое действие она на нас окажет, зависит от ее первоначальной направленности. Разрушит или даст новый рост нашему сознанию, зависит только от нас. Еще Конфуций говорил: «Плохая мысль всегда находит своего хозяина».

Сосредоточившись, Андрей бросил короткий взгляд на часы. Через два часа самолет прилетал в Милан. Он стал просматривать подготовленные для него файлы. Отчеты, привычки, болевые точки человеческой натуры оппонентов, составленные его группой. Все это формировалось в его голове в определенные психотипы их сущности, с которыми ему потом придется работать. Сотни мегабайт информации проглатывались его сознанием, рисуя замысловатые картины в его воспаленном мозгу. Через два часа ему предстояло начать игру, от исхода которой зависели интересы его страны. Мировая экономика уже давно терпит хорошо спланированное крушение. Некоторые семьи, сосредоточив в своих руках большинство крупнейших мировых банков, всевозможных фондов и трастовых компаний, объединили их в единую финансовую систему. Играя на обычных человеческих страстях, они навязали миру новый финансовый порядок, при котором каждый человек, целые народы, страны и группы стран были втянуты в заведомо проигрышную игру. Огромная рекламная машина стимулирует наши желания, кредитная система помогает их осуществить. Они играют с человеческим желанием дотянуться до недостижимого. Ни в чем себе не отказывая, живем один раз. А в итоге, живя не по средствам, мы обвешиваем себя невидимыми нитями долгов, превращаясь в покорных и безвольных марионеток. Целые страны, целые народы, каждый из нас. Целый мир марионеток управляется маленькой группой кукловодов. Они наслаждаются своим величием, но, по сути, они не менее ущербны, чем весь их театр. Точно так же искушает Дьявол. «Я осуществлю ваши желания, я поведу вас истинным путем, не думайте ни о чем, просто наслаждайтесь жизнью». И мы уже зачарованы его пустыми красотами, мы уже погрязли в похоти, алчности и тщеславии. Мы уже не чувствуем зловония этих нечистот, и глаза наши засланы смрадом, и путь наш заканчивается бездной. Но мы все так же строим планы на будущее. На будущее, которого уже давно нет. Кукловодам кажется, что они все контролируют, кому и когда стать главой государства. Где и в какой стране начать войну, или еще хуже – поддержать револю-

цию. У них есть сценарий на нашу жизнь. Слава Богу, не только у них. Мировая экономика, а с ней судьбы многих народов, спланированно идет на дно. И никто уже этому не помешает. Перед Андреем стояла задача сделать так, чтобы этот водоворот затянул в себя и тех, кто его собственно организовал. Это будет, как удар молотом в пространстве, колебания от которого заставят содрогнуться мир. Он листал страницу за страницей, пытаясь из обрывков информации собрать пазл общей картины предстоящей игры. Умение читать быстро было выработано в детстве, умение манипулировать чужими душами приходило извне. Его мозг неистово работал, его сознание было напряжено. Перед глазами проплывали реальные картины событий, размазанные во времени и наполненные человеческими страстями. Энергия его поля была до предела напряжена. Любая искра могла разорвать его душу на куски. Это была его огненная натура, это она заставляла немисливо быстро колебаться все его существо, вытягивая из него последние сгустки энергии, готовая, как гепард, к последнему решающему броску, апогеем которого будет мощный энергетический всплеск. Именно так его воля, вырываясь из глубин подсознания, формирует в пространстве конфигурацию событий, которые, придя из далекого будущего, станут для кого-то настоящим.

Андрей откинулся в кресле, все его тело было скованно судорогой. Холодный пот мелкими каплями покрывал лицо. Сил практически не осталось. Губы жадно хватали воздух. Еще секунда, и он умрет. Он всегда чувствовал эту грань, эту тонкую линию, за которой безумная тишина и всепроникающий холод. Его сердце будто сжалось в маленькую точку, и откуда-то из глубины доносилось хриплое «Господи, помоги»...

Катя медленно закрыла ноутбук и на цыпочках пробралась в отсек к Андрею. Один клик мышкой – и секретные документы сменились безобидными рубашками пасьянса.

– Вот такая у тебя веселая работа? Пасьянс раскладываем...

Андрей, с трудом приходя в себя, обнял ее за талию и притянул к себе, усаживая на колени.

– Тише, давай немного поспим, – шепотом сказал он.

– Да разве можно с тобой уснуть? – смеясь, ответила она.

Андрей положил свою ладонь ей на затылок. Ее тело моментально обмякло, голова опустилась ему на плечо, и паутина забытья мгновенно окутала ее сознание. Катя уснула. Стук ее сердца наполнял крошечную пустоту в его сознании. Ее чистое дыхание оживляло исчерпанную силу. Он, как вампир, жадно поглощал ее жизненную энергию. Что ж, у каждого устройства иногда надо менять батарейку.

Жизнь полна неожиданностей. Иногда они ее просто переполняют. Каждый из нас в душе Наполеон. Каждый из нас уверен в своей неповторимости. Почти каждому хочется верить, что его неповторимость является признаком особого смысла, элементом избранности. Даже эритроцит, несясь с молекулой кислорода по кровеносным сосудам, как на горках аквапарка в Анталии, даже он уверен, что является властелином мира. Еще бы, кто кроме него? Потому что сознание его ограничено рамками этого мира, за которые он никогда не попадет. Мы элементы общей цепи, мы даже не обособлены друг от друга. И в этой цепи каждый из нас является и донором, и реципиентом. Просто наше самосознание ограничено рамками нашего тела. Видимый мир – только лишь иллюзия того, что есть объекты, независимые друг от друга. Только поэтому нам кажется, что каждый сам за себя. Только поэтому мы продолжаем убивать друг друга, придумывая все более изощренные способы. Трудно себе представить, как мизинец, отрубив указательный палец, будет при этом испытывать радость свершившегося возмездия за поруганную честь и ущемленное самолюбие при распределении мест на кисти. Комедия, ей-богу. И как бы это ни было обидно, Кате абсолютно напрасно казалось, что эта сказка для нее и она в ней принцесса. Она была всего лишь элементом, пусть даже очень красивым, но все же элементом, в этой пока еще не замкнутой цепи. Элементом с определенным набором

функций, с большей или меньшей степенью вариативности. Однако философия бытия такова, что каждый элемент может стать целой Вселенной.

Катя лежала на кожаном диване, накрытая пледом. Андрей, опустившись перед ней на колени, внимательно всматривался в изящные линии ее лица. Непреодолимое чувство вины нарушало равновесие в его душе. Он понимал, что втягивал ее в смертельно опасную схватку. Разбередив ее молодую неокрепшую душу, он поселил в ней искорки зарождающегося счастья, спокойствия и света, но впереди ждало лишь ожесточение и мгла, темень порока людей из большой политики и мира финансов. Он прижался щекой к ее ладони.

– Прости меня, моя родная, прости, если сможешь. Я не смогу без тебя, потому что безумно люблю эти твои завитушки на локонах, эти морщинки радости в уголках глаз, твои теплые и нежные губы, – шептал он.

– Я не сплю, – неожиданно сказала Катя и открыла глаза, а потом с особой значительностью, выдерживая паузу после каждого слова: – Я уже давно не сплю...

Они смотрели друг другу в глаза, пальцы рук крепко сжимались в объятиях. Слова уже были не нужны, словами можно было только все испортить. Воздух вокруг них был наполнен эфиром страсти, энергия между ними была напряжена до предела и, не находя видимых путей выплеска, потрескивала и искрила. Проникновение душ остановить было нельзя. Просто невозможно бороться, когда души так тянутся друг к другу. Еще секунда – и весь мир перестанет существовать, останутся лишь объятия и ласки. Андрей наклонился вперед, чтобы ее поцеловать.

– Стоп! – резко сказала Катя, как бы стряхивая с себя сиюминутное затмение. – Мы знакомы с тобой всего несколько часов. Я так не могу! Хотела бы, даже точно знаю, что хочу, но ты же понимаешь все эти наши женские штучки и... – улыбаясь, смущенно добавила она.

– Да знаю, знаю! – тоже смеясь, перебил Андрей. – Я дала ему не сразу, потому что он зараза. Ведь так записано в вашем кодексе правильного поведения? Хорошо, буду поддерживать эту утопию социальных запретов. Прости, что нахлынули чувства, прости за попытку реализовать их в поцелуе, и вообще, прости за любовь.

– Пусть так, но мне так спокойнее. Не надо нарушать мое внутреннее ощущение правильного. Для этого нужно время...

– Времени нет! – снова перебил ее Андрей. – Времени как физической величины нет в природе. Есть хронометр, отсчитывающий часы от одного рассвета до другого, и по этому хронометру мы через полчаса будем в Милане, так что поднимайся и приводи себя в порядок.

Андрей сел рядом с ней на диван, нарочито

повернулся спиной и принялся листать какие-то бумаги. Катя поднялась, обняла его за плечи и поцеловала в мочку уха.

– Ты же сам говорил, что для этого у нас целая жизнь впереди. Научись ждать, – заигрывая, сказала Катя.

Она поднялась и направилась в комнату, где можно было освежить лицо, восстановить память и просто отойти от натиска страстей.

– В следующий раз буду думать, что говорить! – ругая себя, пробурчал Андрей.

Катя обернулась и расплылась в улыбке.

Мужчины не любят поражений. Любой отказ ранит их самолюбие, вселяет неуверенность. Даже если этот отказ лишь повод в следующий раз ответить страстным и бесповоротным ДА. Такова природа мужской натуры... смешной, нелепой, дикой.

Самолет медленно планировал вниз. Пелена облаков ласково окутывала его крылья. Еще немного, и он вырвется из этих мягких объятий и увидит под собой бескрайние просторы тверди, манящие к себе разноцветными огнями аэропорта. Еще несколько минут, и он выпустит под собой шасси, меняя равновесие полета на бетонную устойчивость взлетной полосы.

Как и все мы – после безумного полета души испуганно ищем опору под ногами. Земное притяжение полезно для тела, но губительно для души. Исчезает ощущение резонанса. А как хочется иногда полетать...

Катя вышла из отсека «для генсека», опустилась в кресло рядом с Андреем и, положив голову ему на плечо, крепко всем телом прижалась к его руке. Сердце замерло, затаилось. Дыхание попадало ему в унисон. Время остановилось. То, что раньше пролетало, как миг, теперь стояло перед глазами яркими картинками, которые перетекали в причудливые образы, как на картинах Дали. Вот она, спокойная гавань души, где волны страсти не разбивают пристань мечты. Счастье имеет многогранное проявление. И так случилось, что самым ярким оно бывает не в бурях эмоций, а в тишине, наедине с любимым.

Толчок при касании шасси о бетонку вновь запустил эти временные отрезки в обычном ритме. Часы судьбы, приостановившись, теперь пытались наверстать упущенные мгновения. Жизнь завертелась в привычном темпе, но ощущение счастья и равновесия души еще долго будет витать в воздухе, наполняя его эфиром любви. Самолет, резво пробежав по взлетке, сбавляя скорость, начал выруливать на отведенное для него место стоянки. Главный терминал аэропорта призывно сверкал огнями. Десятки автобусов, лавируя между гигантскими лайнерами, спешно привозили пассажиров к самолетам и так же спешно увозили вновь прибывших. Огромный механизм аэропорта Мальпенса функционировал с немецкой точностью и итальянским шиком. Спустя несколько минут после остановки их FALCON 900 раскрыл трап.

Андрей взял Катю под руку и спустился по нему вниз. Теплый ветер, который постоянно гуляет по таким открытым площадкам, ласково теребил только что уложенную Катей прическу, пытаясь внести нотки итальянского стиля. «Поистине у каждого ветра свои планы на твою прическу», – подумала Катя, уже не пытаясь что-либо исправить. Андрей, оставив ее у трапа, подошел к встречающей их машине, рядом с которой стояли два загорелых и крепко сбитых парня. Из-за шума постоянно взлетающих и садящихся самолетов, Катя не слышала, о чем они говорили, но по жестам встречающих поняла, что они смотрели на него с какой-то завороченностью, и это подбострастие сквозило в каждом их жесте. Кто бы мог подумать! Ее Андрей и эти двое головорезов! Какой разительный контраст на фоне спокойного и уверенного в себе человека! Он махнул ей рукой, приглашая сесть в машину, в которую уже усаживались эти двое неандертальцев. Катя подошла, он распахнул перед ней заднюю дверь автомобиля и они оба уселись на удобные кожаные кресла. Машина резко тронулась с места и, набирая скорость, двинулась в сторону Милана. Катя снова прижалась к Андрею и принялась рассматривать салон автомобиля. Изысканность в отделке поражала. Кожанный салон был инкрустирован вставками из красного дерева. Ручки, кнопки стеклоподъемников и панели с регулятором климат-контроля были отделаны хромом. Задняя часть автомобиля была изолирована от передних сидений звукопоглощающей перегородкой из тонированного стекла. Только мелькающие вдоль трассы огни реклам выдавали скорость, с которой они уносились в сердце другой культуры, в город модных бутиков и изысканных ресторанов.

– Что это за автомобиль? В смысле, какой марки?

– Это «Бентли», – сухо ответил Андрей. Катя удивленно покачала головой.

– В Москве «Мерседес», в Милане – «Бентли»... Я, конечно, плохо в этом разбираюсь, но, судя по отделке, не самая дешевая машина? Или опять скажешь, не твоя?

– Нет, не моя, друг помог, – Андрей с трудом сдерживал смех.

– Я так и думала, опять этот самый загадочный друг, – задумчиво сказала Катя.

– Да нет, это уже другой. Разве у меня не может быть двух друзей? Ты что, ограничиваешь мои конституционные права? – не унимался Андрей.

– Ладно, не буду я тебя больше пытаться, все равно бесполезно! – не скрывая разочарования, сказала Катя. – Мы сейчас куда?

– Быстро заедем в гостиницу, переоденемся, ну там гигиена и так далее... Пообедаем в ресторане – и в оперу. Я думаю, времени хватит.

Катя приподняла голову, пытаясь заглянуть ему в глаза.

– На что хватит времени, которого в природе как физической величины нет? – усмехнулась она.

– Молодец, хватаешь на лету! Ну, к этой дискуссии мы позже еще вернемся.

– А мы вообще вернемся? – сухо спросила Катя. Сделав паузу и набравшись решительности, она села на сидение так, чтобы оказаться вполоборота к Андрею.

– Мерседесы, самолеты, шикарные гостиницы, опера... Ты знаешь, без всего этого я могла бы с легкостью обойтись. Мне не нужен весь этот антураж. Одно лишь волнует, как бы это сказать... Лишь бы не было войны, ну так, образно выражаясь. Я прекрасно понимаю, каких это стоит денег, а любые деньги всегда чего-то «стоят». Андрей, я единственная дочь у своих родителей! – сказала Катя. В каждом ее слове чувствовалось внутреннее напряжение.

– А ты думаешь, меня у моих родителей двое? – попытался отшутиться Андрей, но сразу понял, что шутка не прошла. Он взял в свои руки ее ладони и внимательно посмотрел ей в глаза.

– Это не декорации для «войны». Тебе не стоит переживать, я не веду боевых действий с красивыми девушками, ну разве что в спальне, – снова шуткой он попытался снять неожиданное напряжение.

– Андрей, мы даже паспортный контроль не прошли. Ну ладно бы в Москве, там все возможно, но здесь. А в Москве ты назвал мою фамилию пограничнику, хотя я тебе ее не говорила, – сказала Катя, уже не пряча своего беспокойства.

– Тебя что больше волнует: моя осведомленность или бюрократический порядок у пограничников?

– Меня волнует, что я не официально прибыла в Италию, и, случись что, может оказаться, что меня здесь вообще никогда не было. Я не удивлюсь, что официально я и из Москвы-то не выезжала... «Катя, сядь в машину»... «Катя, заходи в самолет»... Ничего не объясняешь, просто двигаешь мной, как пешкой по шахматной доске, глядишь – в любой момент разменяешь на что-нибудь или того хуже – пожертвуешь.

Катя говорила, не скрывая своего беспокойства. Андрей лишь молча улыбался. Казалось, что он знает все, что она скажет, и теперь просто наслаждается всплеском ее эмоций.

– Нет, Катюша, этой пешкой я никогда не пожертвую, эта пешка должна стать ферзем! – опять шутя, ответил Андрей.

– А может эта пешка всегда мечтала стать королевой, – уже кокетливо передернула Катя.

– Нет, родная, королева слишком уязвима, ее все хотят «сожрать»! – Андрей с трудом сдерживал смех. – Это заставляет короля нервничать и ревновать. Ревность – это источник непоправимых ошибок, – Андрей уже почти смеялся. – Так что ферзем, родная, безликим и неприметным ферзем.

– Ладно, смотри сам, – улыбаясь, кивнула Катя. – Тебе же потом с этим «ферзем» по Милану ходить.

Она повернулась к окну и стала наблюдать за мелькающими огнями пригорода Милана. Чувство тревоги сменилось внутренним спокойствием, улыбка замерла на лице. «Как же легко он может снять напряжение, – подумала она. – Точными, легкими фразами. Даже занятно».

«Кардано-аль-Кампо», «Кастелланца», «Лайнате»... – таблички с названиями населенных пунктов пролетали мимо. Некогда обособленные, а теперь почти слившиеся с огромным монстро – городом мечты Миланом, огни которого с каждой минутой превращались в единое завораживающее представление. Пауза, повисшая между ней и Андреем, давала время для глубокого вдоха, для осознания действительности, куда же несут ее собственные мечты. Андрей с наслаждением рассматривал ее профиль, застывшие в уголках глаз слезинки счастья и шмыга-

ющий время от времени нос. Паузы иногда наполнены большим содержанием, чем диалоги. А тишина – лучшее, что можно было бы услышать. Машина, продираясь сквозь плотный поток, рыскала в поисках свободных полос. Ее нервное рычание раз за разом нарушало эту тихую идиллию. Катя повернулась к Андрею и, наклонив голову, сделала глубокий вдох.

– Проверяешь, не пахнет ли серой? – шутливо спросил Андрей.

– Просто от самой Москвы меня преследует запах сирени. С того момента, как ты подошел тогда к нам за столик. Он то нарастает, то как-будто испаряется на время. С разной интенсивностью, но всегда рядом. Вот я и решила, может, это твой парфюм?

– Я не пользуюсь никаким парфюмом! Для меня это слишком примитивно. А тебе не нравится запах сирени?

– Нет, наоборот! В детстве у нас во дворе было очень много кустов сирени. Мне очень нравилось гулять, когда они цвели. Это запах детства, спокойствия, тишины и защищенности.

Андрей загадочно улыбнулся и отвел взгляд в сторону.

Запахи... Редко кто задумывается, какую роль играют они в нашем мировосприятии. Еще труднее представить, что восприятие запаха можно вызывать искусственно, погружая тем самым сознание оппонента в атмосферу более знакомую и привычную. К сожалению, для человека его органы чувств не совсем корректно отображают то, что пытаются отобразить. Поэтому и есть возможность существования оптических, слуховых иллюзий. Генерация запаха является иллюзией такого же качества, хотя и более сложной. Например, когда мы видим желтый предмет, это лишь означает, что его поверхность больше всего отражает лучи желтого цвета из видимого спектра световых волн. Сам же предмет при этом является белым. Вот такой парадокс. Генерация запаха – это всего лишь генерация волн, соответствующих частоте тех элементов, которые им обладают. Иногда воздействие может проводиться на участки мозга, минуя органы обоняния. Вполне выполнимая для подготовленного человека задача. И самое главное, эффективно помогает на стадии привязки к оппоненту, снимая у того чувство беспокойства и тревоги.

– Это хорошо, когда пахнет детством, – искренне улыбаясь, сказал Андрей. – В детстве порой кажется, что все возможно.

– И почти всегда, что эти возможности где-то рядом.

Машина зарычала в очередной раз и, вырвавшись из тисков потока, неудержимо ринулась вперед. Огни большого города галактикой звезд надвигались на них уже со стремительной быстротой. Феерия чужого счастья скоро проглотит их тишину и накроет безликой суетой. Милан открывал объятия широкими проспектами, неоновыми вывесками и толпами празднующих людей. Калейдоскоп бутиков, перекрестков и светофоров сменялся длинными парковыми террасами, уютными площадями и фонтанами. Город только готовился к ночному безумию, сбрасывая с себя суету дня. Катя не отрывала глаз от окна, за которым раскрывался новый для нее мир. Милан в десять раз меньше Москвы, но город, основанный кельтами и потом завоеванный римлянами, на площадях и улицах которого отпечатки более чем двухтысячелетней истории, с первого взгляда заставлял трепетать дух и завораживал сознание. Когда едешь по Милану, не покидает ощущение того, что воздух наполнен грохотом колесниц, шумными маршами римских легионов, толкотней на торговых рынках Средневековья. Отпечаток истории, тень прошлых событий. От нее нельзя отмахнуться, она незримо преследует вас в каждом камне на мостовой, в каждой песчинке известняковых плит зданий. Тень никогда не падает на стену, не оставив на ней постоянного следа, как свет, проходя через линзу, оставляет отпечаток на серебряной пластине. Существуют следы наших деяний и отпечатки всего того, что происходило ранее. Атмосфера таких городов особая, она погружена в историю, только ей понятное содержание. Здесь даже дышится по-другому, в унисон дыханию веков.

– Не могу поверить, что я в Милане! – не скрывая изумления, сказала Катя. – Честно говоря, у меня были другие планы на вечер.

– Так всегда и бывает, – задумчиво произнес Андрей. – Ты строишь планы на вечер, а кто-то строит планы на тебя.

– И кто же выигрывает? Тот, у кого был правильнее расчет?

– Да нет, обычно выигрывает тот, у кого сильнее воля. Ибо если ты точно расставляешь приоритеты, твоим планам уже никто не помешает. В твоем случае желание побывать в Милане было сильнее всего того, что было запланировано на вечер. Мечта увидеть Милан у тебя появилась недавно – Андрей сделал паузу, пытаясь что-то вспомнить, – где-то месяца два назад, когда тебе попался на глаза каталог бутиков с главной торговой улицы Милана Виа Монтенаполеоне. К твоему удивлению, в него были вставлены постеры с главными архитектурными памятниками Милана, миланского кафедрального собора Сан-Лоренцо-Маджоре, храма святого Александра и другие. По такому же стечению обстоятельств твое внимание привлекла программа, рассказывающая о замке Сфорцандо и театре Ла Скала. Информация об Италии и Милане преследовала тебя с назойливостью комара, пока желание побывать в Милане стало непреодолимым. Но ты понимала, что это всего лишь несбыточная мечта. И тут я – как добрый волшебник в голубом вертолете... в голубом, потому что другого не было... – Андрей почти смеялся, – со своим диким, как многим могло показаться, предложением. Многим, но не тебе. Груз твоих желаний плюс мои возможности – и мы в Милане! Все просто! – закончил фразу Андрей и потянулся в бар. Он достал стакан и налил в него апельсиновый сок.

– Сок хочешь? – сказал он, протягивая стакан Кате.

Она смотрела на него, не скрывая изумления. Чувства растерянности и удивления смешались в ее душе, сжимая ее в границах неопределенности.

– Сок? Нет, сок не хочу... – борясь с собственными мыслями, произнесла она. – Откуда ты все это знаешь?

– Да просто предположил, – улыбнулся Андрей. – А то как бы ты со мной поехала?

– Врешь ты все! Предположил... – разочарованно пробурчала Катя, поняв, что спрашивать дальше бесполезно. – Оказывается, ты страшный человек! – придавая нарочитую значимость своим словам, добавила она.

– Да? А мне говорили симпатичный, – рассмеялся Андрей. – Да не переживай ты так, Котенок, – ласково сказал Андрей. – Желания всегда нами управляют, просто мы не хотим этого признавать. Все будет хорошо, просто доверься мне.

– А другого ничего не остается! – сказала Катя, разводя руки в стороны и выпячивая нижнюю губу, как бы подчеркивая безысходность. – Как ты меня сейчас назвал? Котенок? А почему Котенок?

– Катя – значит Котенок. Не нравится?

– Пусть будет Котенок, – утвердительно кивнула Катя. – А тебя как в детстве называли?

– Меня? – переспросил Андрей. – Меня – Конем.

– А почему Конем? – Катя рассмеялась, прикрывая губы ладонью.

– Фамилия у меня Конев. Поэтому и прозвище у меня было – Конь.

Они оба рассмеялись еще сильнее.

Умение разрядить ситуацию, разрезать накалившуюся атмосферу острой шуткой было естественным свойством его ума. Не прилагая никаких усилий, он мог блистать на различных светских раутах и покорять всех своим обаянием. А теперь, изящно уводя линию напряжения в сторону, он увлек Катю в объятия своей души. Она чувствовала, как все больше и больше проникается доверием к Андрею, как, увлекаясь его витиеватыми рассуждениями, приближается к сути их построения. Взаимное проникновение душ настолько неотвратимо, что люди просто «прикипают» друг к другу, и отрываться потом приходится «с мясом». Катя повернулась к окну, с чувством сладкого волнения покусывая нижнюю губу. «Надо же, как ловко все подстроил: журналы, буклеты, рассылки тематические приходили на телефон про Италию, да

и женщина в салоне так увлеченно рассказывала, как съездила в Милан... – подумала Катя. – И ведь действительно, так вдруг захотелось сюда вырваться! Никогда бы не подумала, что все подстроено, ведь была уверена, что это мое собственное желание». Катя вдруг резко повернулась к Андрею.

– А зачем ты мне все это рассказал? Я думала, что раз ты так ловко все провернул, легко добился своего, то, наверное, это должно было остаться втайне от меня. Зачем ты мне все рассказал? – спросила она.

Андрей даже не отводил взгляда после прошлого монолога с Катей, он как будто предвидел такое развитие событий.

– Потому что мы с тобой в одной лодке, Катя. Еще очень много загадочного и непонятного будет происходить с другими людьми, при других обстоятельствах, и, возможно, многое я не смогу тебе прямо объяснить, но одно ты должна знать точно – я с тобой абсолютно честен и никогда не причиню тебе вреда.

– Да ладно... Тот вред, который ты можешь причинить, я так понимаю, мне скоро придется у тебя выпрашивать.

Андрей засмеялся, многозначительно опуская взгляд в пол.

– Или ты не об этом? – замешкавшись, переспросила Катя. – Да ну тебя, вечно напустишь пыли и разгадывай тут твои кроссворды! Ежик в тумане, вот ты кто! – шутливо сказала она, толкнув с досады Андрея в плечо.

– Не Ежик, а Конь, мы же договорились! – тоже шутливо ответил Андрей.

Они оба рассмеялись. Машина, сделав последний реверанс, остановилась перед главным входом в гостиницу Starhotels Rosa Grand Milano. Это было пятиэтажное здание, построенное в строгом классическом стиле, расположенное в тихом и очень уютном месте. Первый этаж был занят бутиками, ресторанами и другими заведениями подобного типа. Это позволяло получить весь необходимый сервис прямо в гостинице. Центральный вход был скрыт террасой. За вращающейся стеклянной дверью открывался великолепный вестибюль. Полы были покрыты миланским мрамором, стойка на ресепшен, изготовленная из дуба, плавным поворотом сглаживала некоторую угловатость помещения. Обслуживающий персонал был приветлив, но не слишком навязчив. Катя от растерянности взяла Андрея под руку. Ритм его быстрого шага был для нее непривычен, но она пыталась под него подстроиться. Андрей бросил в сторону встречающего персонала приветственную фразу на итальянском, с кем-то поздоровался, кому-то просто кивнул и быстрыми шагами направился к лифту. Путешествие налегке имеет массу своих преимуществ. Во-первых, отсутствие багажа сопровождается легкостью в передвижении, во-вторых, всегда появляется повод приобрести что-то новое, при наличии денег, конечно. Двери лифта открылись, Андрей сделал шаг вперед, увлекая за собой Катю. Через секунду эта металлическая коробочка открыла перед своими пленниками коридоры второго этажа. Катя опять почувствовала эту стремительность в действиях Андрея. Уверенность и точность движений, а также их быстрота, не давали опомниться и увлекали стремительным потоком за собой. Она держала его за руку и почти бежала за ним, будто пытаясь удержаться за спасательный плотик посреди бурной реки. Звук электронного замка – и открытая дверь водоворотом затягивает ее в номер. Судорожное состояние и скомканное в груди дыхание заглушила захлопнувшаяся дверь. Андрей быстро прошел в номер, опустился в кресло и замер. Ей показалось, что его взгляд, направленный в угол комнаты, скорее всего не был ею ограничен. Катя, с трудом приходя в себя, опустилась на стул, стоявший возле двери.

– Андрей, может, ты объяснишь? – с трудом справляясь с волнением, спросила Катя. – Мы только что прилетели, а за тобой уже и номер имеется, и ключи от номера в кармане.

– Я живу здесь уже неделю, – неожиданно холодно и как-то отстраненно ответил Андрей. – Еще утром я завтракал здесь и в Москву летал исключительно за тобой, – продолжал говорить он, но было видно, что все его мысли сосредоточены на чем-то более важном для него

в данный момент. – Ты права лишь в том, что сегодня ты Москву не покидала, да и я из Италии никуда не улетаю. По крайней мере, для многих, кто тебя знает, ты до сих пор в Москве.

Андрей стоял вполоборота, корпус был наклонен вперед, приподнятые плечи создавали впечатление готовности к прыжку. Свет, падающий из окна, очерчивал его темный силуэт, еще больше размазывая границы реального.

– Ты здесь пока располагайся, ну там прими душ и прочее, а мне нужно на полчаса отлучиться, узнать на ресепшен, может, платье привезли, – сказал Андрей, нервно рыская глазами по комнате.

Катя от неожиданности просто оторопела. Ей вдруг захотелось закричать на него, но хлопнувшая дверь скрыла его ускользающий силуэт. Ярость огнем раскатилась по всему телу, сдавила виски и, не найдя другого выхода, с грохотом обрушилась на закрытую дверь. «Какая дура! Какая дура ты, Катя! Ну куда тебя черт понес?! Вот и все. Закрытая дверь... Без денег, да еще нелегально въехала в страну»... – борясь со слезами, размышляла она. – «Что делать-то теперь? Звонить в консульство, пока не поздно! ...И что я им скажу?»

Мысли сбивались в кучу, спотыкались, обгоняя друг друга, никак не хотели выстраиваться в простую логическую цепочку. Когда эмоции накатывают волной, когда слезы сковывают дыхание, разрезая грудь нестерпимой болью, трудно поймать нить логических рассуждений. Потому что эмоции задействуют в организме механизмы, в основе которых лежит реакция на ситуацию, а не ее анализ. Эмоции – это, пожалуй, самое яркое наше отображение реальности, не всегда, правда, самое реальное.

«Нет, лучше позвонить на ресепшен и кричать, звать на помощь». Она бросилась к телефону, сняла трубку, но гудков не было. Телефон был неисправен, либо его заведомо выключили.

– Домой собралась звонить? Возьми мой телефон, с него будет быстрее, – услышала Катя за спиной голос Андрея.

Повернувшись, она увидела, как перед ней стоял улыбающийся Андрей с открытым торсом, бодро вытирая полотенцем голову.

– Ты же только что ушел? – обескураженно сказала Катя.

– Ушел? – Андрей широко улыбнулся. – И куда же?..

– Туда, – трясущейся рукой указала на дверь Катя.

– Вообще-то я решил немного освежиться, зашел в ванную...но из номера, Катя, я не выходил.

Андрей закончил вытирать полотенцем голову, бросил его на край кресла и подошел к окну. Его взгляд снова устремился в угол комнаты. Потом он резко повернулся к ней и посмотрел прямо в глаза. Что-то было в этом взгляде необычное, он как-будто обволакивал ее сознание, и чувство невесомости наполняло все ее тело. Он сделал несколько шагов навстречу, опустился в кресло и снял трубку телефона.

– Хотя, если тебе удобнее с этого телефона, то, пожалуйста, звони с этого, – сказал он, быстрыми движениями набирая какой-то номер.

– Мама, – сказал Андрей, протягивая трубку Кате.

Она закрыла лицо ладонями, в попытке справиться с нахлынувшей волной слез, сделала глубокий вдох и резким движением заправила волосы назад.

– Мама ждет, – спокойным тоном сказал Андрей, трясая в протянутой руке трубку от телефона. Катя взяла трубку, сжала эмоции в кулак и выдохнула.

– Привет, мама, – пытаюсь сдержаться, сказала она.

– Привет, Катя. Может, объяснишь, что происходит? Где ты и с кем? Забежала на минуту днем и исчезла. А минуты две назад звонил какой-то парень и сказал, что вы любите друг друга и сейчас улетели в Италию обвенчаться, как-будто в Москве обвенчаться нельзя, – услышала

она на том конце провода неуверенный, чем-то взволнованный и, тем не менее, такой родной голос мамы.

– Какой парень звонил? С какого телефона? – стараясь держать себя в руках, спросила Катя.

– Да не знаю, какой... Андреем назвался. А что, их у тебя несколько? – услышала она встревоженный голос мамы.

– Мама, подожди. Со мной все нормально.

Катя, укоризненно и строго посмотрела на Андрея, который удобно раскинувшись в кресле, наблюдал за ней, как незаинтересованный зритель за поставленной пьесой.

– Я действительно в Италии с Андреем, ты его не знаешь. Мы с ним сходим сегодня в оперу, а вечером я прилечу в Москву.

Катя сознательно сделала на последней фразе ударение, глядя в глаза Андрею, как бы требуя подтверждения. В ответ Андрей лишь пожал плечами, за что увидел перед собой сжатую в кулак руку Кати.

– Мама, не переживай. Со мной действительно все нормально! – уже немного успокоившись, сказала Катя. – Ты просто вспомни, пожалуйста, с какого номера он звонил?

– Так с этого и звонил, – утвердительно сказала мама Кати. – Ты же знаешь, у нас современный аппарат, он все номера определяет.

– Точно с этого? Ты ничего не путаешь? – настойчиво переспросила Катя.

– Да точно, точно с этого. Можно подумать, нам из Италии по несколько раз на дню звонят, чтобы я запуталась! – уверенно ответила ей мама.

– Ну ладно, мама, я тебе еще позже перезвоню, когда домой буду вылетать, – сказала Катя, не спуская взгляда с Андрея.

Она положила трубку телефона, выждала несколько секунд и снова сняла. Гудков в трубке не было. Телефон по-прежнему либо не работал, либо преднамеренно был выключен. Андрей, раскинувшись в кресле, продолжал безучастно наблюдать. На его лице сквозила хитрая улыбка, взгляд рассеянно блуждал, иногда спотыкаясь на карандаше, который он, перебирая пальцами, крутил в руке. Катя быстро поднялась, сняла с кресла полотенце, брошенное Андреем, и направилась к ванной. «Довольно просторная, но все же тупиковая комната, здесь он зайти не мог, да и когда? Прошло-то всего несколько минут, – подумала Катя. – Мокрый пол возле душевой кабинки и пар, каплями сползающий по стенам... – все это говорило о том, что здесь действительно принимали душ, да и полотенце, брошенное Андреем, было абсолютно мокрым».

Ее мозг настойчиво искал логическое объяснение происходящему. Нестыковка в деталях порой приводит в замешательство все наше восприятие действительности. Таков уж человек: либо он все должен понимать, либо этого не существует. Бегло осмотрев ванную комнату, Катя направилась к двери в номер. Она плавно нажала на рукоятку замка, сделала паузу, чтобы побороть накотившее волнение, и потянула дверь на себя. Дверь приоткрылась, и Катя, высунувшись на полкорпуса в коридор, чуть было не столкнулась с проходящей мимо горничной. Та смущенно улыбнулась и прошла дальше по залитому светом коридору. Катя закрыла дверь, а потом снова, сделав небольшую паузу, потянула на себя. Дверь послушно открыла ее взору все тот же коридор гостиницы, по которому все так же перемещались постояльцы и обслуживающий персонал. Закрыв дверь окончательно, она, переполненная чувством смущения, подошла к Андрею и села в кресло напротив. Он все так же был занят вращением карандаша, всем видом показывая свое безразличие. Взгляд рассеяно блуждал, особо ни на чем не останавливаясь, пока не наткнулся на вытянутый перед ним кулак Кати. Андрей с наигранным удивлением посмотрел ей в глаза, делая вид, что ничего не понимает.

– Не зли меня! – сухо сказала Катя. – Лучше сам расскажи.

Андрей широко улыбнулся.

– Душ довольно-таки приятный, правда, вода немного мягкая, шампунь плохо смывается, – попытался отшутиться Андрей, но, посмотрев снова на Катю, решил не обострять. Угроза в виде ее кулачка становилась еще более весомой.

– Ну ладно, что у тебя там не стыкуется? – покрутив свободной рукой над головой Кати, спросил Андрей.

– Я только что видела, как ты вышел, захлопнув за собой дверь, – пытаюсь справиться с волнением, Катя указала рукой на входную дверь. – Я хотела ее открыть, но она была заперта. Я так перепугалась, что бросилась звонить, даже не помню куда...

– На ресепшен, – поправил ее Андрей.

– Да, на ресепшен! – Катя была вне себя от его спокойствия. – Но телефон тоже не работал. Катя рефлекторно сняла трубку, чтобы продемонстрировать, и поднесла ее к уху. Возникшая пауза говорила о том, что на сей раз в трубке отчетливо слышались гудки. Андрей, продолжая улыбаться, приподняв брови, с укоризной посмотрел на Катю.

– Ну я же видела, как ты ушел! – сдаваясь под грузом обстоятельств и не понимая, что происходит, произнесла она. – И как ты мог звонить с этого номера, если я постоянно находилась здесь и тебя не видела? – продолжала Катя, на подсознательном уровне понимая абсурдность того, что она говорит.

– Ну хорошо, я попробую тебе объяснить коротко, не вдаваясь в детали, но не уверен, что ты способна сейчас это осознать. Вот смотри... Карандаш крутится в моей руке с определенной скоростью и четко выверенными движениями. Давай заставим его вращаться быстрее, и еще быстрее, – сказал Андрей, и карандаш действительно начал вращаться с невероятной быстротой, бесшумно скользя между пальцами, он набрал такие обороты, что практически утратил четкие очертания, превратившись в темное пятно.

– Думаешь, это возможно – вращать что-либо с такой скоростью? А ведь, по сути, его скорость не изменилась, просто происходит это в сжатом промежутке времени. Это, как во сне... все происходит стремительно, нарушая все временные и пространственные ограничения, субъективно воспринимаясь, как миг. Время имеет линейную направленность и течет в одном направлении, но оно неоднородно и имеет разную плотность, за счет чего в мгновение можно «запрессовать» больше событий, чем могло бы показаться изначально. Пространство и время – такие непостоянные субстанции, что воспринимаются нами очень субъективно. Для одного время летит, для другого – стоит на месте. И пока ты здесь боролась с собственными страхами и билась в открытые двери, я спустился в бар, встретился с человеком, который там меня ожидал, забрал платье на ресепшен и позвонил твоей маме... Ну мало ли, что ты можешь ей наговорить – решил заранее их проинформировать. Если бы это происходило в твоем сне, ты бы не удивилась такой прыти?

– Но я ведь не спала?

– Кто знает, Катя, где сон, где реальность. Во сне мы плачем, смеемся в голос, пугаемся, просыпаясь в поту. Иногда эмоции, которые мы переживаем во сне, настолько ярки, что просыпаясь, многие седеют от ужаса, который там испытали. Если есть изменения в физическом мире, можно ли считать сны нереальными? Порой сама реальность напоминает сон. Никогда не поймешь, спишь ты или нет, слишком тонкая грань между двумя состояниями. Слишком тонкая грань между реальностью и сном, – задумчиво сказал Андрей, опуская взгляд, как бы сосредотачиваясь на каком-то внутреннем, наполняющем его чувстве. – Иногда хочется, чтобы все это было сном, дурным сном, и хочется поскорее проснуться. Хотя в некоторых снах хочется жить вечно.

Утратив надежду что-либо осознать и решив принять все, как данность, Катя поднялась с кресла и, махнув на Андрея рукой, направилась к окну.

– Знаю, что врешь, просто чувствую это, но ничего доказать не могу... Да и смысл? – устало прошептала Катя.

Открывающийся из окна вид на ботанический сад отвлек ее перегруженное информацией сознание на более понятные и красивые пейзажи экзотических растений.

– А что, нельзя было обойтись без такого рода фокусов? – тихо спросила Катя.

– Можно, просто времени не было, – спокойно и задумчиво ответил Андрей.

– Мы знакомы с тобой всего часов восемь, а у меня уже мозг взрывается от всего, что было, столько событий, информации... Раньше у меня на это ушло бы минимум полмесяца, а тут все в один день, – продолжая смотреть в окно, вслух размышляла Катя.

– Ну вот, субъективное восприятие течения времени. Чем больше событий, тем медленнее оно течет. В твоем случае было все наоборот, отсутствие событий спрессовало время в твоем сознании в один миг, – задумчиво ответил Андрей.

Катя испытывала чувство неуверенности, необъективной оценки реальности. В мозге каждого человека есть заранее заготовленные шаблоны отображения действительности. Каждый из нас точно уверен в том, что если подбросить яблоко, оно непременно упадет вниз. Если крикнуть в пустой комнате, то непременно услышите эхо. Но если вдруг эхо не случилось и, хуже того, яблоко не упало, а осталось висеть в воздухе без особых на то причин, наш мозг впадает в ступор. Его программа отказывается воспринимать необычные факты как данность, тем самым защищая себя. Ведь надо же понимать, что сформировавшиеся между нейронами связи – это результат многократных и устойчивых повторений, и сломать их просто так в один миг не получится. Именно поэтому все новое вызывает у нас такую настороженность, все необычное подвергается скептическому анализу, и только после череды повторений при отсутствии противоречий может быть принято мозгом в схему шаблонов восприятия реальности. Но когда события отображены и мы видим их реально, а объяснения не сглаживают противоречий, наша психика утрачивает на время возможность что-либо оценивать. Это пограничное состояние сознания провоцировалось Андреем специально. Выводя человека из психического равновесия, лишая его устойчивой внутренней опоры, можно было накладывать на его сознание, как на чистый лист бумаги, заранее заготовленную им программу поведения, в результате чего по истечении времени человек осознанно, на основании «собственных» убеждений, совершает действия, объяснения которым найти потом просто не может. Андрей подошел к Кате, обнял ее за плечи и тихо сказал:

– Не надо искать объяснений, принимай происходящее, как данность, потому что все, что я делаю, никогда не принесет вреда.

Катя откинула голову назад, и они с Андреем встретились взглядом. По телу пробежала приятная теплая волна, вернулась прежняя свежесть восприятия, мысли выстроились в понятную картину, тревогу и волнение сменило непреодолимое желание его поцеловать. Ее губы приоткрылись, и она всем телом прильнула к нему.

– Ты платье мерить будешь? – намеренно прерывая ее, спросил Андрей. – А то нам через полчаса спускаться вниз.

Катя отступила на шаг назад и, как будто стряхивая с себя нахлынувшее наваждение, сделала несколько быстрых движений ладонью перед лицом, обмахиваясь, как веером.

– Что-то как-то накатило не вовремя, – смущаясь, сказала Катя. – Ну, где там твое платье? – деловито спросила она, пытаясь взять себя в руки.

– В моем пойдешь? – пошутил Андрей, пытаясь снять напряжение неловкой ситуации, в которую сам же Катю и затащил. Она с улыбкой посмотрела на него и тут же отвела взгляд в сторону. Нахлынувшее на нее ранее сексуальное возбуждение еще щекотало низ живота.

– Давай, неси уже! – сказала Катя, слегка толкая Андрея в плечо. – И сам одевайся, а то я за себя не ручаюсь, мало ли что может произойти, одна в номере с мужчиной, – кокетливо добавила она.

Андрей, улыбаясь, быстрым шагом направился к двери, слегка потирая нос от удовольствия. Катя продолжала удивлять его своей простотой и проникновенностью. Ее чистая душа

легко приняла на себя наложенную им программу, что привело к неуправляемому всплеску любви и нежности. У многих эти проявления бывают абсолютно противоположными. Именно поэтому он проигнорировал эту внезапно вспыхнувшую страсть, понимая неосознанность ее природы. Он быстрым движением открыл дверь в номер, что-то сказал застывшему в растерянности посыльному, который только собирался постучать в дверь и был крайне изумлен расторопностью хозяев. Взял принесенные им несколько пакетов, сунул ему в руку десять евро чаевых и с улыбкой распрощался. Закрыв дверь, он прошел к зеркалу, увлекая за собой Катю. Поставил пакеты на пол и быстрым движением скинул с одного из них упаковочную ленту.

Катя наблюдала за всем этим с каким-то особым, пока еще не понятным для нее, чувством. Она ловила себя на мысли, что с удовольствием наблюдает за всеми его действиями, быстрыми и четкими. В них сквозила уверенность, которая завораживала и притягивала к себе. «Вот так бы всю жизнь смотрела, как он чем-то занимается», – подумала Катя, и довольная улыбка растянулась у нее на лице.

– Надо быть очень осторожной со своими желаниями, Катя! Они иногда сбываются! – неожиданно сказал Андрей.

Катя внимательно посмотрела на него и задумчиво щелкнула язычком. Андрей поймал себя на мысли, что в этом случае защитной реакции и попытки все объяснить не последовало. Она приняла все, как данность.

– Ну все, можешь надевать.

Андрей протянул Кате платье, наконец-то избавленное от оберточной бумаги. Катя, взяв его, наклонила голову и, приподняв брови, иронично спросила:

– Будешь смотреть?

– Успею еще насмотреться, – с улыбкой ответил Андрей, понимая неловкость ситуации. – Я лучше тоже пойду одеваться.

– Лучше или тоже? – смеясь, бросила ему вслед Катя.

– В общем, как получится, – засмеялся Андрей.

Катя быстро накинула на себя платье, мельком подглядывая с помощью зеркала за тем, как одевался Андрей. Она наблюдала, как на его голом торсе при любом незначительном движении танцуют мышцы, перекатываясь и выпячивая всю свою мощь. Она стала понимать, что побороть возникшее к нему влечение становится все сложнее. Все еще посматривая краем глаза в зеркало за Андреем, она аккуратно расправила все складочки на платье и закинула распущенные волосы назад. Только после этого проявленная картина в зеркале привлекла к себе ее внимание. Платье было великолепным. Темно пурпурного цвета с золотыми вкраплениями, оно идеально облегло фигуру, ярко подчеркивая все ее достоинства. Катя была не в силах сдержать восхищения.

– Так не бывает! – удивленно сказала Катя. – Как по мне сшито.

– Да, хорошо сшили и цвет приятный, тебе очень идет, – уже надевая пиджак и подходя к Кате, сказал Андрей.

– Правильно, вот именно что сшили! Потому что в самолете я так ничего и не заказала. Как-то задумалась и забыла совсем про платье, а оно здесь, да еще сшито на заказ.

– Ну да, я его заранее заказал, еще месяца полтора назад, – стесняясь, как школьник, сказал Андрей. – А в самолете просил заказать, потому что не был уверен, что тебе понравится мой выбор. Тебя это смущает? – заглядывая ей в глаза, спросил Андрей.

– Даже если Луна упадет сейчас с неба, меня это уже не смутит!

– Луна-то нам в опере зачем? Нас в оперу с Луной не пустят.

– Следил за мной все это время? – спокойно спросила она, внимательно вглядываясь в его глаза.

В ответ Андрей, разведя руки в стороны, утвердительно кивнул. Катя загадочно вздохнула и принялась снова рассматривать себя в зеркале. Андрей, стоя за спиной у Кати, ненавяз-

чиво подвинул вперед заранее приготовленные к платью туфли, которые Катя, уже не задавая бесполезных вопросов, тут же надела. Потом он аккуратными движениями собрал ее распущенные волосы в пучок и закрепил их на затылке изящной, усыпанной рубинами, заколкой. Катя, откинув голову назад, послушно следовала его движениям. Такое же рубиновое кольцо украсило ее обнаженную шею, а рубиновые серьги придали симметрию и законченный вид всему ансамблю. Чтобы полностью выразить внутреннюю красоту, иногда необходимо достойное внешнее оформление. Хотя часто оно лишь подчеркивает внутреннюю пустоту. Но это был не тот случай. Рубиновые украшения и изящно пошитое платье настолько спокойно гармонировали с блеском ее глаз, что в их глубине можно было разглядеть чистое зеркало души, еще не изгаженное похотью других и ее собственной глупостью.

– Ты необыкновенная девушка, с неброской, но запоминающейся красотой, – тихо произнес Андрей, еще раз пристально всматриваясь в ее отражение.

Катя опустила взгляд в попытке скрыть нахлынувшее на нее чувство неловкости. Секунды медленно перетекали в паузу, которая обычно заканчивается нежными объятиями и поцелуем.

– Я мог бы вечно тобой любоваться, но, к сожалению, нам пора, – так же тихо продолжил Андрей.

Еще несколько секунд Катя молча пыталась сбросить внутреннее напряжение и, бросив взгляд на свое отражение в зеркале, послушно двинулась вслед за Андреем. «Эх, мужчины, мужчины... То бываете назойливо тупыми, то тупо нерешительными», – подумала про себя Катя. Андрей обернулся и, снисходительно улыбаясь, посмотрел на нее. Она поймала его хитрый взгляд.

– У меня такое ощущение, что ты копаешься у меня в голове? – с наигранным пренебрежением сказала Катя.

– Переживаешь за свою прическу?

– Нет, признайся... Читаешь мои мысли? – уже улыбаясь, продолжила Катя.

– Да я даже книг не читаю, куда уж там мысли, – с трудом сдерживая смех, ответил Андрей.

Катя промолчала, бросив в его сторону обреченно задумчивый взгляд. Понимая бесполезность любых расспросов, она решила вернуться к простым наблюдениям в попытке что-то разгадать. Если вообще было возможно систематизировать этот калейдоскоп событий, череду его странных проявлений и поступков. Проанализировать и выудить хоть какую-то логическую составляющую всего происходящего с ней. Ведь должен же быть какой-то смысл в его поступках.

– Попытка понять смысл путем построения логической цепочки – и есть главная проблема логического мышления. Ведь на каждом ее этапе возможно наличие неверных данных, а значит, и неправильный вывод, который сам уже является исходным для следующего. Все это лишь уводит от сути вещей. Когда восхищенно смотришь на радугу, меньше всего думаешь о том, что это лишь поляризация света, – сказал Андрей, нежно затягивая ее в кабину лифта.

Он нажал на кнопку нижнего этажа, и кабина стремительно ринулась вниз, придавая легкость всему телу. Катя все еще изумленно всматривалась в его наполненные блеском глаза, но уже точно понимала, что постепенно он приучил ее практически ничему не удивляться.

«Он точно копается у меня в голове. Как же мне с ним жить? Ничего не скроешь, – подумала она, но уже не уверена, что не вслух. – Один плюс – не надо намекать о своих сексуальных фантазиях, и так поймет».

Катя еле сдержалась, чтобы не засмеяться от смелости своей мысли, прикрыв губы рукой. Андрей, изображая удивление, посмотрел на Катю. «Все, молчу, молчу!» – давясь от смеха, мысленно ответила ему Катя, через какую-то секунду вдруг поняв, что это был именно мысленный ответ. И она его сделала, и он ее услышал.

Двери лифта выпустили эту изумленную пару в залитый электронным светом холл гостиницы. Быстро передвигаясь, будто паря над полом, они стремительно его пересекли. Хлопнувшая за ними дубовая входная дверь нежным потоком воздуха по ногам снарядила в дорогу. Вечер этого дня обещал превратиться в вечность.

Они сели уже в знакомый ей автомобиль, в котором, как и прежде, сидели двое мужчин, большую часть своей жизни посвятившие спортзалу. Машина плавно тронулась вперед.

– Если природа дала тебе такую комплекцию, то лучше привести ее в нормальное соответствие, то есть укреплять и развивать. В противном случае есть риск выглядеть большим и несуразным, – улавливая суть пренебрежительного взгляда Кати, сказал Андрей, указывая рукой на сидящих впереди парней. – Что касается интеллекта, то он у них на высоком уровне. Просто они не имеют возможности пообщаться с тобой на одном языке и как-то себя проявить. Построение собственного тела не всегда связано с ущербностью в умственном развитии. Это все равно что утверждать, что все блондинки дуры, но это же не так. Все очень индивидуально.

Катя улыбнулась и перевела взгляд в окно автомобиля. Для нее, как для блондинки, это был аргумент.

– Здесь напрямик через ботанический сад, минут десять пешком, но этикет требует, чтобы мы подъехали на авто. А так хотелось пройтись. Слишком часто принятые в обществе правила поведения идут вразрез с твоим внутренним ощущением порядка. Мешают жить так, как тебе хочется. Хотя некоторые пытаются, даже если выглядят чудаками, – усмехнувшись, сказал Андрей.

– Никто не мешает быть самим собой, кроме наших надуманных представлений об этикете, – задумчиво произнесла Катя. – Тем не менее пешком мы не пойдем, платье жалко.

– Вот и правильно!

Машина плавно притормозила, и они оказались перед залитым светом фонарей входом в театр. Старинное каменное здание было так оригинально подсвечено, что, казалось, оно парит над площадью, подчеркивая свою отрешенность и независимость от этой грешной земли. Его величество Свет делал его настолько легким и воздушным, подвластным любому дуновению ветра, что только сила красоты искусства, царящего внутри, удерживала его от соблазнительного путешествия в вечность. Околдованные его красотой, люди неспешно проходили в это царство музыки, своими роскошными нарядами пытаясь соответствовать его духовной возвышенности и красоте.

Взяв Андрея под руку, Катя восторженно озиралась по сторонам. Ее платье восхитительно подчеркивало стройную и по-кошачьи пластичную фигуру. Она всем нутром ощущала острые покалывающие взгляды завистливых и немоложавых дам, а также резкие, хищные, брошенные как бы невзначай, их кавалеров. Это был беспроигрышный ход Андрея, в попытке сразу привлечь общее внимание, он бросил на стол козырной туз.

– Катя, перестань вести себя, как ребенок в зоопарке, – снисходительно произнес Андрей. – Не надо пялиться на расписанные золотом стены. Здесь много других объектов, достойных нашего внимания.

– Не знаю... по мне, так все остальное меркнет! – улыбнувшись, ответила она, и они оба рассмеялись.

Продвигаясь вглубь театра, они заметно ускорили шаг. Андрей, наигранно важно, легким кивком головы здоровался с некоторыми проходящими мимо. Иногда его лицо расплывалось в улыбке, учтивой, но не особо дружелюбной.

– Я смотрю, ты здесь многих знаешь? – улыбаясь, сказала Катя, повторяя его приветственный кивок очередной паре.

– Я знаю здесь всех, их детей и слуг, массажистов и косметических хирургов, и даже личных собаководов, – сдерживая смех, ответил Андрей. – Всем кивать голова отвалится.

– Да, голову надо беречь. Мне всадник без головы не нужен.

– Я просто поражаюсь, какие нежные у нас с тобой отношения! – искренне смеясь, ответил Андрей.

Он продолжал свое движение вперед. Его фигура снова стала излучать напряжение, которое холодом проникало в каждую клеточку Кати. Плечи зажались, голова немного подалась вперед, глаза жадно рыскали по залу в поисках жертвы. Катя почувствовала, что он снова не с ней. Здесь, рядом физически, она прижимала его руку к себе, но внутренне ощущение близости пропало. Он на мгновение остановился, жадно вдохнул воздух, как ныряльщик после погружения, и решительно двинулся в сторону объятый всеобщим вниманием пары. Это были немолодой мужчина лет пятидесяти пяти, худощавый, небольшого роста, и его более молодая спутница в черном платье с изысканным декольте. Он небрежными жестами что-то объяснял другим окружившим его людям с видом уставшего от внимания человека. Девушка изредка улыбалась и бросала оценивающий взгляд на остальных, изображая неприкрытую скуку. Однако, заметив Андрея и Катю, их взгляды оживились и напускная важность куда-то испарилась. Они сделали несколько шагов навстречу, тем самым подчеркивая свою заинтересованность в общении.

– О, мой дорогой друг, как неожиданно приятно встретить вас тут, – расплываясь казенной улыбкой и двигаясь к Андрею с открытыми для объятий руками, сказал он по-французски.

Девушка улыбнулась более искренне. Ее взгляд столкнулся с глазами Андрея, аппетитно скользнув по его торсу. На Катю она посмотрела с меньшим удовольствием и плохо скрываемой завистью.

– Рады вас видеть здесь сегодня. В этом скопище тараканов должны быть истинные орлы! – сказала она, жадно впиваясь в него глазами. – Давно в Милане?

– Решили прилететь на премьеру. «Свадьба Фигаро» – моя любимая опера, – ответил Андрей.

– Чем-то напоминает вас этот Фигаро! – сказала она, не смущаясь своего спутника и продолжая пожирать Андрея глазами.

– Хотите сказать, что я тоже служу двум хозяевам? – приподнимая брови и изображая удивление, спросил Андрей.

– Нет, – снимая напряжение, ответила она. – Просто никогда не поймешь, где вас носит. Вы то в Бангкоке, то в Латинской Америке. И везде у вас дела и везде вы успешны.

– Говорят, вы неплохо заработали на кризисе в Афинах, – поддерживая беседу, спросил мужчина. – Кроме вас, все потеряли.

– Не надо верить слухам, – сухо ответил Андрей, и, стараясь спрятать тему, перевел их внимание на Катю.

– Хочу вам представить Кати, – на французский манер произнес он ее имя. – Нежная и обворожительная девушка, которая согласилась разделить со мной эти несколько часов в опере.

Катя хоть и считала, что хорошо владеет французским, на самом же деле едва улавливала какие-то обрывки их разговора. Однако поняв, что речь идет о ней, она учтиво кивнула головой. Будучи неглупой и наблюдательной, она заметила, как всполохи похотливых мыслей пронеслись у мужчины в глазах, а девушка с нескрываемым удовлетворением улыбнулась.

– Эскорт? – ехидно переспросила она. Андрей промолчал, снисходительно улыбнувшись.

– Франсуа и Валери Боне, – уже обращаясь к Кате и представляя собеседников, произнес Андрей. – Месье Боне – крупный банкир и блистательный финансист, – чувствуя трудности с переводом у Кати, Андрей говорил медленно, делая значительные паузы между словами.

– Ну, это преувеличение! – с трудом скрывая удовлетворение от лести, произнес Франсуа. – И все же, как вам удалось так успешно и вовремя вывести свои активы из Афин? Не скрою, наши аналитики совершили большую ошибку, дав положительный прогноз на общий рост в экономике Греции. И вдруг такое падение! Как вам удалось так все просчитать?

– Ну, вы же знаете, месье Боне, что нельзя предвидеть, когда может упасть, – глядя ему в глаза, с усмешкой ответил Андрей.

Валери прикрыла рот рукой в попытке сдержать смех. О проблемах с потенцией у Франсуа уже давно ходили легенды, и лишь он продолжал делать вид, что это оставалось их с Валери маленьким секретом. Единственное, что по-настоящему возбуждало Франсуа, это сухая отчетность о прибыли банка, роста его активов и котировок на бирже. За этими незаметными столбцами цифр стояли поломанные судьбы простых людей, их надежды, разбитые о подводные камни затейливо выстроенной финансовой системы. Понимание этого приводило Франсуа в неопишуемый экстаз, питая его натуру иллюзией собственного величия. И эта эфемерность власти над судьбами людей, была кем-то сверху нивелирована его собственным бессилием. Ведь никто не даст раскачивать маятник бесконечно, у природы всегда найдется противовес. Может быть, это, а может, не только это было причиной ее постоянных измен. Не привыкшая отказывать своей плоти, она без особого стеснения предавалась прелестям любви.

– Ведь у каждого успеха есть свой маленький секрет! – продолжая уничтожать взглядом Боне, сказал Андрей.

– Ну так поделитесь им с нами, ведь мы умеем быть благодарными, – вступила в беседу Валери, восхищенно взглянув на Андрея. В ее словах и во взгляде скользил недвусмысленный намек. – Завтра мы устраиваем небольшой ужин в нашем загородном доме в Сен-Жерью, будет самый узкий круг людей. Мы будем рады вас видеть. Ведь так, дорогой? – уже обращаясь к супругу, сказала Валери.

– Да, конечно, – немного смущенный прытью супруги, ответил Франсуа. – Мы действительно будем вам рады. Будет самый близкий круг людей, ведь мы ждем в гости Доминика Рене. Несмотря на всю занятость, он любезно согласился приехать. Я обещал ему восхитительную прогулку на катере по Аннеси.

Было заметно, что Франсуа очень гордился личным знакомством с Домиником Рене, директором-распорядителем МВФ.

– Кстати, было бы уместно взять с собой мадемуазель Кати, – облизывая свои тонкие губы, процедил Франсуа. – Она столь же очаровательна, как и рубины, украшающие ее.

Как банкир, Боне сразу оценил огромную стоимость этих украшений, а как масон, он знал, что рубин является символом власти над сознанием людей, создавая особый тип вибраций вокруг своего обладателя.

– Они всего лишь подчеркивают ее собственную красоту! – тонко парировал Андрей.

Его глаза продолжали впиваться во Франсуа, словно удерживая того на невидимом поводке. Прощаясь, Франсуа взял руку Кати и поднес ее кисть к губам для поцелуя. Она видела, как его маленькие глазки нервно забежали из стороны в сторону, а тонкие губы, подрагивая, прикоснулись к ее запястью. Катя почувствовала эту холодную, мокрую, пронизывающую пустоту его поцелуя. Ее тело было невыносимо напряжено, пронзительный звук разрезал ее мозг нестерпимой болью. Лицо Франсуа перекосилось в неестественной гримасе, а застывший стеклянный взгляд упирался в глаза Андрея, который монотонно ему что-то говорил. Что именно, Катя разобрать не могла, потому что электронный шум с нарастающей силой сотрясал все вокруг. Время тянулось бесконечно.

Андрей ждал этого прикосновения. Обычно, чтобы воздействовать на сознание человека, ему достаточно было лишь поймать его взгляд. Так мимолетно, на секунду, чтобы потом полностью его контролировать. Но в данный момент Франсуа его не интересовал, его мысленный посыл предназначался для другого, более значимого игрока, и поэтому он использовал возможность тактильного контакта, в котором Катя была лишь мостом, а Франсуа «почтальоном».

Приятная теплая волна порывом накрыла Катю, которая от неожиданности импульсивно отдернула руку. Режущий шум сменился разноголосицей неторопливо общающихся рядом людей. Андрей учтиво кивнул головой и, попрощавшись, медленно направился к входу в зал,

утягивая за собой Катю, которая все еще никак не могла осознать произошедшее. Он с одной стороны был доволен собой, ибо заложенный им посыл уже точно ушел к своему адресату, с другой стороны, вся низость, которую он раскопал в разлагающемся мозгу Франсуа, невидимой пеленой грязи накрыла его собственную душу. И если простой человек для собственной гигиены может всегда принять душ, то как поступить с этой внутренней грязью, разрушающими эманациями, проникающими повсюду. Радовало одно: что от успешного и преуспевающего банкира, создавшего свое беззаботное настоящее на разрезанных судьбах других, до человека, умирающего от мучительных болей в мозге, разлагающемся от рака, Франсуа отделяют всего какие-то три недели. Все, что он оставит после себя претендующим на наследство стервятникам, это завещание, в котором все свои активы и состояние передаст в фонд помощи больным детям. И пусть сегодня он еще беззаботно строит планы на будущее и радуется столбикам цифр на личном счету, ему не суждено знать, что кто-то сверху уже положил свой противовес на чашу весов справедливости. И кто-то сверху – это, скорее всего, он сам. Ибо жить нужно так, чтобы потом не было ни мучительно, ни больно.

Его супруга Валери, не смирившись с потерей состояния мужа, бросится вслед за своей неумной страстью в поисках нового счастья и закончит свою жизнь в дешевом борделе под Парижем, измученная венерическими болезнями и пристрастием к наркотикам.

Андрей понимал, что для него не пройдут бесследно эти заглядывания за горизонт, но не заглядывать у него не получалось, все происходило само собой, без особого на то желания. Он оглянулся назад, чтобы еще раз увидеть этих довольных жизнью людей, которые всерьез полагали, что уже ничто не в состоянии изменить их сегодняшнее благополучие. «Жизнь коротка, – подумалось ему. – Она даже короче, чем вы можете себе представить».

– Неприятный человек! – прерывая его размышления, сказала Катя. – У меня до сих пор холодок по телу от его поцелуя.

– Да! Это мир больших финансов. Он всегда полон таких «лакированных неприятностей» – продолжая свою мысль, но уже вслух, ответил Андрей.

– У тебя всегда такое отношение к успешным людям? – игриво спросила Катя, пытаясь заглянуть ему в глаза.

– Это они-то успешные? И что такого они, интересно, успели? – пренебрежительно бросил Андрей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.